

ВОЛЬФ
МЕССИНГ

ПОДСТРОЧНИК ИСТОРИИ

Письма жене

«О, ВОЗЛЮБЛЕННАЯ
МОЯ!»

Подстрочник истории. Уникальные мемуары

Вольф Мессинг

**«О, возлюбленная
моя!». Письма жене**

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мессинг В.

«О, возлюбленная моя!». Письма жене / В. Мессинг — «Автор»,
2017 — (Подстрочник истории. Уникальные мемуары)

ISBN 978-5-9955-0945-5

«О, ты прекрасная, возлюбленная моя, ты прекрасна!» – этими словами из библейской «Песни Песней» Вольф Мессинг начал свое первое письмо к обожаемой невесте. Аида Мессинг-Рапопорт стала для великого экстрасенса не просто супругой и ассистенткой, но «ангелом-хранителем», главной советчицей и исповедницей, единственным близким человеком, с которым Мессинг делился всем. Только наедине с женой Мессинг мог быть самим собой – не «магом», «пророком» и «сверхчеловеком», каким видела его публика, но любящим мужем, нежным, трогательно-заботливым, готовым носить свою обожаемую жену на руках. Только в письмах к любимой он был абсолютно откровенен, шла ли речь о его сверхъестественных способностях и магии его мозга или об их личной жизни. Разумеется, далеко не обо всем можно было писать прямо, поэтому Мессинг прибегал к намекам и аллегориям. В этих страстных исповедальных письмах перед нами предстает совсем иной Мессинг – не только величайший экстрасенс, способный загипнотизировать кого угодно и не склонявший головы даже перед Сталиным и Берией, но еще и очень ранимый и совестливый человек, который всю жизнь нес неподъемное бремя своего феноменального Дара и мог разделить его только со своей обожаемой женой.

УДК 821.161.1-6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0945-5

© Мессинг В., 2017

© Автор, 2017

Содержание

От редакции	7
Письма Вольфа Мессинга к его жене Аиде Михайловне Мессинг-Рапопорт (1944–1960)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вольф Мессинг

«О, возлюбленная моя!»: письма жене

Фотография на обложке: © Лев Иванов / РИА Новости

© ООО «Яуза-пресс», 2017

От редакции

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!» – этими словами из библейской Песни Песней Вольф Мессинг начал свое первое письмо к обожаемой невесте.

Аида Мессинг-Рапопорт стала для великого экстрасенса не просто супругой и ассистенткой, но «ангелом-хранителем», главной советчицей и исповедницей, единственным близким человеком, с которым Мессинг делился всем.

Только наедине с женой Мессинг мог быть самим собой – не «магом», «пророком» и «сверхчеловеком», каким видела его публика, но любящим мужем, нежным, трогательно заботливым, готовым носить свою обожаемую жену на руках.

Только в письмах к любимой он был абсолютно откровенен, шла ли речь о его сверхъестественных способностях и магии его мозга или об их личной жизни. Разумеется, далеко не обо всем можно было писать прямо, поэтому Мессинг прибегал к намекам и аллегориям.

В этих страстных исповедальных письмах перед нами предстает совсем иной Мессинг – не только величайший экстрасенс, способный загипнотизировать кого угодно и не склонявший головы даже перед Сталиным и Берией, но еще и очень ранимый и совестливый человек, который всю жизнь нес неподъемное бремя своего феноменального Дара и мог разделить его только со своей обожаемой женой.

По свидетельству людей, близко знавших чету Мессинг, Аида Михайловна вела дневник, содержанием которого никогда ни с кем не делилась. Друзья только видели, как она что-то быстро записывает в тетрадь. В дошедшем до нас архиве Вольфа Мессинга дневников Аиды Мессинг-Рапопорт обнаружено не было, но редакция не теряет надежду найти их. Надежда всегда сохраняется. В конце концов, десять лет назад никто и подумать не мог о том, что будут найдены дневники и письма Вольфа Мессинга.

Об этом знал только Вольф Мессинг.

Человек, который знал все или почти все и читал будущее, как раскрытую книгу.

Публикуемые письма Вольфа Мессинга к его жене, помимо всего прочего, также интересны тем, что содержат информацию о событиях, которые произойдут в будущем. В нашем с вами будущем.

Вольф Мессинг умел видеть на много-много лет вперед.

«О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской; зубы твои – как стадо выстриженных овец, выходящих из купальни, из которых у каждой пара ягнят, и бесплодной нет между ними; как лента алая губы твои, и уста твои любезны; как половинки гранатового яблока – ланиты твои под кудрями твоими; шея твоя – как столп Давидов, сооруженный для оружий, тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных; два сосца твои – как двойни молодой серны, пасущиеся между лилиями.

Доколе день дышит прохладой и убегают тени, пойду я на гору мирровую и на холм фишама.

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!»

Песнь Песней Соломона

«Наши судьбы были во многом схожи. Обоим довелось многое пережить. У меня не осталось никого из родных, у Аиды – почти никого. У нее была сестра Ираида... Аида очень трогательно заботилась о ней. Эта замечательная женщина и обо мне заботилась очень трогательно. Ее большое сердце не допускало иного. Если Аида любила, то любила самозабвенно, если ненавидела – то от всей души. Когда мы стали жить вместе, я как будто попал в рай. Из

моей жизни исчезло множество докучливых забот. Исчезло все, что меня раздражало. То, на что у меня уходили часы, Аида решала в считанные мгновения. «Добрая волшебница, где твоя волшебная палочка?» – спрашивал я. «Здесь», – отвечала она, положив руку на грудь. Если на свете среди людей живут ангелы, то моя Аидочка была одним из них».

Мессинг Вольф, «Я – телепат Сталина», воспоминания

Письма Вольфа Мессинга к его жене Аиде Михайловне Мессинг-Рапопорт (1944–1960)

Без даты

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна! Глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской!

Прошу прощения за такое торжественное начало, но оно как нельзя лучше передает мои чувства. Да, только словами из Песни я могу выразить то, что переполняет меня и рвется наружу!

Вся ты прекрасна, возлюбленная моя, и пятна нет на тебе!

Когда уста произносят Песню, сочиненную две тысячи лет назад, когда чувства сливаются с этими словами, то осознаешь великую силу любви, силу, которая неподвластна времени, стирающему все сущее в прах.

Я полюбил! Я люблю! Я хочу рассказать о своей любви той, которая зажгла огонь в моем сердце.

Возможно, человеку солидному не подобает влюбляться с первого взгляда, как мальчишке. Возможно, мои чувства могут показаться несерьезными. Но это не так! Прошу верить мне! Я нарочно решил написать это письмо, чтобы иметь возможность спокойно изложить свои мысли и чувства.

Спокойно! Как бы не так! О каком спокойствии может идти речь, когда сердце готово выпрыгнуть из груди, а голова кружится, словно от вина?! Любовь – самое крепкое вино на свете. Я невероятно волнуюсь, потому что речь идет о моей жизни. Но руки повинуются мне лучше, чем язык. Я вообще не мастак говорить. Красноречие – не моя сильная сторона. У меня вообще нет сильных сторон, кроме моего дара. О даре подробно расскажу потом, у нас еще будет время для того, чтобы получше узнать друг друга, любимая моя! Сейчас я хочу сказать о том, что чувства мои искренни, а любовь моя велика. Едва увидев, я полюбил и сам себе удивляюсь, но это так. Что-что, а в своих чувствах я могу разобраться. Про дар мой скажу только, что его не надо бояться, он не приносит проблем никому, кроме меня самого, а я к этому уже давно привык. Но не о моих способностях сейчас речь, а о моей любви.

Я люблю, и я счастлив оттого, что люблю! Я жажду только одного – взаимного чувства, которое сделает меня самым счастливым из людей. Я нисколько не преувеличиваю, когда пишу: «Самым счастливым». Именно так и есть.

Неправы те, кто называет любовь с первого взгляда «скоропалительной», «поспешной», «несерьезной». Мне кажется, что настоящая любовь может быть только такой – с первого взгляда, с первой встречи. Это как свет, который озаряет жизнь. Человек видит свет и понимает, что он полюбил. Постепенно влюбиться невозможно. Только сразу! Постепенно можно только подружиться, но между любовью и дружбой пропасть!

Поверь мне, любимая моя, умоляю, поверь! И прости за то, что, едва познакомившись, я обращаюсь к тебе так, будто мы тысячу лет знакомы. Но у меня такое чувство, будто мы знакомы тысячу лет. Иначе и быть не может, ведь мы предназначены друг для друга! Я увидел в твоих глазах не только волшебный свет любви, но и то, что ты разделяешь мои чувства. Для этого мне не понадобилось прибегать к моему дару, я не использую его в отношениях с близкими мне людьми, вспыхнувшая во мне любовь помогла мне понять твои чувства. Когда любишь человека, то понимаешь его.

Вспыхнувшая любовь! Ты можешь подумать, что то, что скоро вспыхнуло, скоро погаснет. О нет, любимая моя! Умоляю тебя – не думай так. Заклинаю тебя – не сомневайся во мне! Понимаю, что все произошло очень быстро и ты в смятении. Но не делай поспешных выводов, любимая моя! Не беги от своего счастья! От нашего общего счастья! Я знаю, что вместе мы будем счастливы, как никто другой на белом свете. Я знаю это, поверь. Моя любовь будет тому порукой.

Хочу немного рассказать о себе. Есть три Вольфа Мессинга... Не думай, что я сумасшедший, а читай дальше! Есть три Вольфа Мессинга. Первый – это тот, кто выходит на сцену и демонстрирует свои опыты. Ненавижу, когда меня называют «артистом» или «фокусником», потому что мои опыты – не концертные номера и не фокусы. Но люди считают так – раз на сцене, то артист, а я и сам не знаю, как мне называть себя.

Второй Вольф Мессинг известен немногим. О нем вспоминают, когда в нем есть необходимость, а затем оставляют в покое до следующего раза. Можно считать, что его не существует.

Третий (и настоящий) Вольф Мессинг – это сорокапятилетний одинокий еврей, потерявший всех своих родных в Польше, занятой проклятыми фашистами. У него большое сердце, в котором до вчерашнего дня была тьма и пустота. Теперь же в моем сердце свет любви, огонь любви, который зажгла ты, любимая моя. Я будто заново родился, увидев тебя. Безрадостная жизнь обрела радость и смысл. Одиночество всегда бессмысленно, ибо одинокий человек живет только для себя, а это все равно что не живет. «Если я только за себя – то кто я?» – говорил мудрый Гиллель¹.

Все мои близкие остались в Польше, только мне удалось выбраться оттуда. Хочется верить, что они спаслись или что хотя бы кто-то спасся. Надеюсь на чудо, жду, когда закончится война, чтобы попробовать разыскать их или их следы. Здесь я одинок. Я уже привык к своему одиночеству и думал, что оно будет вечным, но вчера вдруг все изменилось, и теперь я ликую, как человек, которому подарили новую жизнь.

Обо мне говорят разное и не всегда говорят хорошо. Что поделать? Если люди выдумывают, то скорее выдумают плохое, нежели хорошее. Мой дар привлекает ко мне внимание, но очень многие называют меня фокусником, а то и аферистом. Половина из тех, кто приходит на мои выступления, приходит для того, чтобы попытаться меня «разоблачить». Когда они уходят разочарованные, то говорят себе: «Очень уж хитер этот «фокусник», надо попробовать еще раз...» Так уж устроен человек – он ни за что не поверит в то, во что он не хочет поверить. Ты тоже можешь сомневаться во мне, любимая моя, ведь все непонятное рождает сомнения. И не стесняйся, читая эти строки, сомнения естественны для любого человека, который столкнулся с непонятным ему явлением. Что же касается моего дара, то он непонятен и для меня самого. Но чтобы доказать тебе, что я не аферист и не обманщик, скажу вот что. Когда ты пришла ко мне, первой твоей мыслью было: «Вблизи он совсем не такой, как на сцене, чем-то похож на Эфраима». Уловив эту твою мысль, я узнал еще кое-что. Эфраим был твоим двоюродным братом, сыном младшей сестры твоего отца, которую звали Двойра. Ты еще не сказала мне, но я уже знал, что твоего отца звали Мордхе и что вы родом из Бердичева. Ты сказала мне об этом при знакомстве, но ты не сказала, что вы жили в Бердичеве на Белопольской улице недалеко от водонапорной башни. Думаю, что этих сведений тебе будет достаточно для того, чтобы убедиться в моей правдивости. Мне хочется надеяться на то, что ты веришь мне без доказательств, но я человек аккуратный и предпочитаю сразу же расставлять все по своим местам. Пусть лучше доказательство будет лишним, нежели сомнение. И не волнуйся, пожалуйста, любимая моя, относительно того, что мой дар сможет причинить тебе какие-либо неприятности. Как я уже написал, я не имею привычки использовать свой дар в общении с близкими

---

¹ Гиллель (Хиллель) Вавилонянин (75 год до н. э. – около 5–10 годов) – наиболее выдающийся из иудейских законоучителей эпохи Второго Храма. (Здесь и далее примечания переводчика.)

мне людьми. Таково мое правило. Мысль о том, что я похож на твоего двоюродного брата, была выражена столь ярко, что ее просто невозможно было не уловить. А о том, где жила ваша семья, я узнал только для того, чтобы дать тебе доказательство моей правдивости. Не думай, любимая, что я стану постоянно копаться в твоих мыслях или действовать на тебя внушением. Я никогда себе не позволю этого. Что хорошо на выступлениях, то не годится для дома. Тебе делает предложение не телепат Вольф Мессинг, а человек Вольф Мессинг. Если пожелаешь, ты можешь стать моей ассистенткой, всегда приятнее работать с близким человеком, который меня хорошо чувствует и понимает, нежели с посторонним. Но телепатия никоим образом не будет осложнять нашего счастья, любимая моя, клянусь тебе в этом!

«С чего бы ни начал шадхен², он вскоре заведет речь о деньгах», – говорят люди. О, если бы ты знала, любимая моя, как трудно быть шадхеном для самого себя. Но где здесь, в этом городе, я найду шадхена? Приходится самому. Так вот, любимая моя, в том, что касается денежной стороны, ты можешь быть спокойна. Полностью положишься на меня, у меня достаточно средств для того, чтобы нас обеспечить. Я неплохо (да не слышат этого завистники!) зарабатываю и проживаю примерно пятую часть от своего заработка. Остальное откладываю. Я не Ротшильд, но мне и не приходится считать каждую копейку, как моим родителям. Я вырос в бедной, очень бедной семье и оттого не швыряюсь деньгами. Единственное, на чем я не экономлю, так это на костюмах и всем прочем, что относится к внешности. Я выступаю перед людьми и не могу оказывать им неуважение, выходя к ним в неряшливом или небрежном виде. У меня все должно быть «с иголки», чтобы зрители понимали, что перед ними – серьезный человек. В остальном я крайне неприхотлив. Есть кусок хлеба и немного молока – и хвала Всевышнему. Человек, который всю жизнь переезжает с одного места на другое, поневоле станет неприхотливым.

Вся жизнь моя прошла в переездах. После того как я поссорился с отцом и ушел из родительского дома, я стал скитальцем. Потом я расскажу тебе о ссоре с отцом подробно, я обо всем тебе расскажу, любимая моя, сейчас же скажу только, что для ссоры не было причины. Отец хотел мне добра, я тоже хотел себе добра, просто взгляды наши не совпадали. С тех пор у меня не было дома и я думал, что уже никогда и не будет. Я говорю о доме в полном смысле этого слова. Не просто как о жилье, а о месте, где меня кто-то ждет, где я не одинок, где я счастлив. У нас с тобой, любимая моя, будет дом, самый замечательный дом на свете. Мы будем счастливы, я знаю это! Думаю, что и ты, любимая моя, тоже это знаешь. Или хотя бы веришь в это. Невозможно любить и не верить в счастье.

Написал я много, пора подводить итог.

Любимая моя! Я люблю тебя и хочу, чтобы мы были вместе. Здесь нет возможности сделать полноценную свадьбу с раввином и гостями, но ведь закон не требует, чтобы на свадьбе непременно были раввин и много гостей. Для вступления в брак достаточно двоих свидетелей, а их мы найдем без труда. Я уже вижу, как вручаю тебе кольцо и говорю: «Этим кольцом ты посвящаешься мне по закону Моисея и Израиля»³. А если Бог даст, после войны, когда обзаведемся собственным домом, нашим домом, отпразднуем разом и свадьбу и новоселье.

Если тебе кажется, что я тороплю события, то не думай так, любимая моя! Я не тороплю события, я боюсь упустить свое счастье, боюсь потерять тебя. Судьба свела нас здесь и сейчас, а завтра раскидает в разные стороны, если мы не возьмемся за руки. Я уеду в одну сторону, ты в другую, и когда еще мы сможем встретиться? И встретимся ли еще, если сами же переступим через свое счастье? Бог добр, но Он не любит, когда отвергают Его дары. Если бы мы жили в спокойное время по соседству друг с другом, то я бы не стал так торопить события. Дал бы тебе возможность привыкнуть ко мне, узнать меня лучше. Но такой возможности нет. Поэтому я

---

² Шадхен (шадхан) – сват, посредник при заключении брака у евреев.

³ Традиционная брачная формула у евреев.

говорю тебе: «Любимая моя, сердце мое принадлежит тебе, и весь я принадлежу тебе, и все, что у меня есть, тоже принадлежит тебе. Вот я стою перед тобой и говорю: «Люблю тебя, будь моей женой!» Будь моей женой, и ты никогда не пожалеешь о своем решении. А если ты откажешься, то станем жалеть мы оба. Всю оставшуюся жизнь станем жалеть о несбывшемся.

Вокруг так много горя, что не стоит его умножать и делать друг друга несчастными. Лучше и разумнее сделать друг друга счастливыми. Осчастливь меня, и я постараюсь сделать так, чтобы ты тоже была бы счастлива. Два наших сердца соединятся, и из этого родится счастье.

Перечитал написанное и ужаснулся – совсем не так хотел я написать о моей любви к тебе. Собирался найти очень убедительные слова, но не нашел. Ты прочтешь мое письмо и скажешь себе: «Он, должно быть, из Хелема⁴, а не из Гуры-Кальварии». Нет, любимая моя, я не из Хелема, несмотря на то что письмо мое делает честь любому «хелемскому мудрецу»⁵. Но я предупреждал, что не силен в красноречии. Написал как смог. Написал, потому что ни за что не смог бы сказать тебе все это с глазу на глаз. Запутался бы, потерял нить рассуждений. На бумаге излагать свои мысли много легче, потому что я не так смущаюсь, когда пишу в твое отсутствие. Но пусть тебя не отталкивает сбивчивость моего письма. Оно искреннее, и это самое главное. Каждое слово в нем исходит из моего сердца.

Если ты не против, любимая моя, то давай встретимся сразу же после того, как ты прочтешь мое письмо. Встретимся и поговорим обо всем, все обсудим. Я буду с нетерпением ждать этой нашей встречи. Не оглядывайся назад, прошу тебя, не переноси горечи прошлого на наше будущее.

Много чего еще хочется сказать тебе, любовь моя, но все это можно уместить в одно слово: «Люблю!» У русского поэта Пушкина есть фраза, которую все очень любят повторять: «Любви все возрасты покорны». Да, это так. Такому волшебному чувству, как любовь, в самом деле покорны все возрасты. Брат моей матери после того, как овдовел, долго жил один. Но когда ему было уже шестьдесят, перед самым началом войны, вдруг женился и, насколько я могу судить, был счастлив то недолгое время, которое ему отпустила для счастья судьба. Это просто пример того, что к каждому из людей любовь приходит в свой назначенный срок. К нам она пришла сейчас, и мы должны радоваться этому и возблагодарить Бога за его бесценный дар.

До встречи, любимая моя! Близок день, когда мы соединимся, чтобы уже никогда больше не расставаться.

Закончу свое письмо тем, с чего начал.

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!

Любящий тебя безмерно, Вольф Мессинг

---

⁴ Хелем (на польском – Хольм) – город на востоке Польши близ границы с Украиной. В еврейском фольклоре Хелем называют «городом дураков». Согласно преданию, когда ангелы рассыпали по миру мудрость и глупость, стараясь делать это равномерно, мешок с глупостью лопнул над Хелемом и вся глупость мира осела в этом городе. Предубеждение против выходцев из Хелема было настолько велико, что некоторые евреи даже меняли фамилию Хелемский на другую.

⁵ «Хелемские мудрецы» – ироничное прозвище жителей Хелема.

4 июня 1946 года⁶

Дорогая Аида!

Прости, что не смог вернуться к нашему празднику⁷. Очень сильно занят. (*Зачеркнуто три строки.*)

Если не считать разлуки с тобой, то у меня все в порядке. Живу в хороших условиях, можно сказать, что в санатории. У меня прекрасная светлая комната с видом на лес. Есть парк, в котором я гуляю. С питанием все в порядке, мне готовят то, что я попрошу. Так что не волнуйся за меня, дорогая, у меня все хорошо. Дел много, но вечерами я отдыхаю. Слушаю пение птичек, люблюсь на звезды, думаю о тебе. Единственная неприятность здесь – это комары. Их много, и они очень злые. (*Зачеркнута одна строка.*)

Здесь есть радио и хорошая библиотека, но за день я так устаю, что не хочется ни слушать, ни читать. Хочется только думать, вспоминать. Я вспоминаю нашу встречу, вспоминаю свою прежнюю жизнь, вспоминаю моих родных и всякий раз думаю – как же хорошо, что эта проклятая война наконец-то закончилась. (*Зачеркнуто две строки.*) Иногда позволяю себе помечтать. Все у меня есть, только одного хочется – небольшого уютного семейного гнездышка, нашего с тобой гнездышка. С моим даром так трудно жить вместе с соседями⁸. Выход на общую кухню для меня оборачивается приступом головной боли и шум всегда стоит такой, что я не могу как следует отдохнуть. Надеюсь, очень надеюсь, что наша мечта скоро сбудется и мы сможем жить отдельно, в тишине, покое и радости⁹.

В уединении хорошо думается, ничто не отвлекает. Я разрабатываю в уме новую программу опытов. Принципиально новую, специально для нас с тобой. Та программа, что есть сейчас, готовилась шесть лет назад при отсутствии постоянного ассистента. От ряда сложных опытов пришлось отказаться, поскольку часто меняющиеся люди попросту не могли их освоить. Со временем, в суете, я начал забывать о них и вспомнил лишь тогда, когда мне начала ассистировать ты. Я ничуть не преувеличиваю, когда восхищаюсь тобой. В моей практике не было случая, чтобы ассистент так быстро вошел в курс дела. Кроме того, ты не просто мне

---

⁶ Письмо содержит несколько зачеркнутых фрагментов, они довольно длинные, причем слова зачеркнуты не единичной чертой, как обычно это делал Вольф Мессинг, а вымараны чернилами так, что их невозможно прочесть. Это обстоятельство, а также крайне сдержанный тон письма к любимой жене, не характерный для других писем Мессинга, дают возможность предположить, что письмо подвергалось перлюстрации и Мессинг предвидел это или просто знал об этом. Вероятнее всего, отсутствие Мессинга дома было связано с выполнением какого-то секретного задания по линии МГБ СССР. В своих мемуарах Мессинг упоминал о том, что помогал разоблачать шпионов: «Абакумов несколько раз обращался ко мне за помощью, когда дело касалось разоблачения немецких шпионов. Все наши встречи происходили по одному и тому же распорядку. За мной приезжали сотрудники Абакумова. Я бросал все дела (даже выступления) и отправлялся с ними. Мы приезжали туда, где находился человек, чьи мысли мне надо было прочесть. Я выполнял то, что от меня требовалось, и возвращался обратно. Каждый раз Абакумов лично давал мне задание. Он не хотел поручать общаться со мной кому-нибудь из своих подчиненных. Я для него представлял особую ценность... После войны вызовы к Абакумову стали редкими. Их было всего четыре. Я помог разоблачить двоих хорошо законспирированных немецких агентов, участвовал в допросе одного полковника, дипломата, который хотел сбежать к англичанам. Наша последняя встреча состоялась осенью 1946 года, когда Абакумов уже был министром. Больше мы с ним не встречались. Не потому что у него не было необходимости в моей помощи. Такая необходимость у Абакумова была, но он не хотел больше встречаться со мной из карьерных соображений. Встречи Абакумова с евреем в разгар кампании по борьбе с космополитизмом могли вызвать к нему недоверие» (Мессинг В. Я – телепат Сталина / Перевод Г. Я. Коган. М.: Изд-во «Яуза-пресс», 2016).

⁷ 5 июня 1946 года (6 сивана 5706 года по иудейскому календарю) праздновался Шавуот («Швуэс» на идиш) – праздник дарования Торы еврейскому народу, освободившемуся из египетского рабства.

⁸ То есть в коммунальной квартире.

⁹ Можно предположить, что фразы, касающиеся квартирного вопроса, предназначались не столько для Аиды Мессинг-Рапопорт, сколько для тех, кто читал это письмо по долгу службы. По свидетельствам современников, Вольф Мессинг был очень деликатным и скромным человеком. Он стеснялся просить чего-то для себя лично напрямую, но мог таким образом намекнуть на то, что ему нужна отдельная квартира, в письме, подлежащем перлюстрации, зная, что содержание этого письма будет доведено до министра госбезопасности СССР Виктора Абакумова.

ассистируешь, ты помогаешь разрабатывать программу, ты понимаешь суть опытов, а не просто выступаешь в роли конферансье с расширенными полномочиями. Я уже с осени думал о новой программе, но тебе ничего не говорил, поскольку хотел, чтобы ты как следует освоилась в этой новой для тебя деятельности. Когда имеешь дело с залом, очень важно освоиться как следует, потому что ситуации могут возникать самые неожиданные. Вспомни хотя бы, что случилось в Алма-Ате и в Челябинске. На моих выступлениях только не рожали, а все остальное случалось. Поэтому привычка очень важна. Кроме того, привычка дает легкость в проведении выступления. Чтобы чувствовать себя легко и непринужденно (а иначе и нельзя), нужно как следует привыкнуть к залу. Теперь же я вижу, что ты полностью освоилась. Кроме того, война закончилась, а в мирное время зрители становятся более требовательными. Мы должны развиваться, чтобы соответствовать их возросшим требованиям. С учетом того что я задержусь здесь (*зачеркнута часть строки*), подготовить основу новой программы я успею. Дома мы доработаем ее вместе с тобой, в июле будем репетировать (надо будет освободить для этого не менее двух недель), в августе опробуем нашу новую программу, устраним недочеты, если такие появятся, а в сентябре сделаем премьеру. Хотелось бы придумать для новой программы какое-нибудь звучное название, в котором непременно звучало бы слово «мир». Это же будет программа новой, мирной жизни. В этом я слаб, мне в голову не приходит ничего, кроме «Здравствуй, мирная жизнь», но я понимаю, что это название не годится для психологических опытов. Ты придумаешь что-то получше, в этом я уверен. Ты у меня умница. И непременно сошьем новые костюмы. Наша одежда должна сочетаться, в этом будет проявляться наш особый стиль. Я имею в виду не единство цвета, а другое единство – единство образов. Строгость в сочетании с торжественностью, небольшой нарядностью, ведь мы выступаем перед людьми, дарим им праздник, а праздник должен быть нарядным. Эти слова я пишу под впечатлением последнего разговора в Гастрольбюро¹⁰. Ты-то меня понимаешь, тебе не надо объяснять про костюмы. Но стоит только подумать об этих самых костюмах, как рука сама пишет слова, сказанные мной в прошлом месяце. Странные люди! Если я шью нам костюмы для выступлений за свой счет и не требую возмещения этих расходов, хотя по закону имею на это право, то зачем в это вмешиваться?

Я уже вижу тот фурор, который произведет наша новая программа! Я предвкушаю успех! Мы объедем всю страну от Москвы до Владивостока! Но первым делом поедem в Ленинград. Я считаю своим долгом сделать премьеру нашей «мирной» программы в этом городе. Когда я ушел из дома и начал выступать, мой отец сказал брату Берлу: «Посмотри на своего брата! Он выступает в паршивых балаганах, а нос задирает так, будто завтра едет на гастроли в Петербург». Мог ли мой несчастный отец тогда знать, что его сын станет выступать в Москве и Ленинграде? Он бы не смог в это поверить.

Здесь я подумал о том, что мебель для выступлений нам придется возить с собой. Это создаст больше хлопот, но так будет лучше для дела. Меня раздражает, когда подо мной скрипит стул или когда шатается стол. Это мешает сконцентрироваться. Во время войны приходилось обходиться тем, что давали на месте, потому что возить с собой контейнер с мебелью было невозможно – не всегда билеты для нас удавалось добыть, но сейчас это можно. Пока меня не будет, посоветуйся с Лебедянским из Главцирка¹¹, пусть он порекомендует тебе кого-нибудь из своих мастеров. Цирковые мебельщики умеют делать легкую и прочную разборную мебель. Нам нужны: стол, ширма шириной в три и высотой в два метра, а также четыре стула. Разумеется, за мой счет. В Гастрольбюро никогда не согласятся оплатить мне мебель для выступлений. Ты пока подыщи мастера, а заказ ему дам я, когда вернусь. И еще подумай

---

¹⁰ Гастрольное бюро – ведомство, занимавшееся организацией и проведением гастролей советских артистов в СССР и за границей, а также зарубежных артистов в СССР.

¹¹ Главцирк – Главное управление цирков Комитета по делам искусств при Совете Министров СССР, учреждение, руководившее всеми цирками страны с 1936 по 1953 год.

о том, какие музыкальные инструменты мы могли бы использовать в опытах с гипнозом. Это очень эффектно, когда загипнотизированный человек играет на каком-либо инструменте, особенно если он раньше никогда на нем не играл. Если уж мы станем возить с собой мебель, то можно добавить к ней и несколько инструментов. Непременно – губную гармонику и обычную гармонь как инструменты, не требующие настройки. Можно еще и скрипку, я кое-как могу ее настроить. Ойстрах¹² скажет «фу!», но для наших целей моей настройки будет достаточно. Хотелось бы еще парочку небольших инструментов. Но только не барабан, умоляю тебя. Когда я слышу бой барабанов, у меня начинает болеть голова. Это еще с военной службы¹³.

И вообще нам нужно кардинальное обновление реквизита для опытов с гипнозом. Надо будет обсудить это.

Возможно, я смогу написать тебе еще одно письмо. (*Зачеркнуто четыре строки.*)

Человек, который привезет тебе это письмо, может забрать твой ответ мне, если ты его сразу напишешь. Глупо писать «если», ведь я знаю, что ты, конечно же, напишешь. Не пиши много, не заставляй занятого человека долго ждать. Напиши пару строчек о самом важном – мне этого будет достаточно.

Целую тебя,
Твой В.

P. S. Ты получишь это письмо, когда настанет завтра, так что прими мои поздравления с нашим праздником!

12 августа 1946 года

Дорогая моя!

Стоило тебе уехать, как я получил телеграмму из Ленинграда от Заславского¹⁴. Он договорился с директором Ленгосэстрады насчет меня, и тот ждет меня для того, чтобы обсудить наши выступления. Заславский написал: «Приезжай срочно, послезавтра директор уедет», поэтому я прямо сейчас еду на вокзал, не дожидаясь твоего возвращения, а то уже не смогу уехать сегодня. Телеграмму возьму с собой, чтобы показать в кассе. Записку кладу на стол, чтобы ты увидела ее сразу и не волновалась. Соседей тоже предупрежу. Думаю, что вернусь через два дня. Видишь, дорогая моя, я был прав, когда убеждал тебя в том, что в сентябре мы все же будем выступать в Ленинграде, а ты мне не верила. Шучу, шучу – верила, но в глубине души все же немного сомневалась.

Как приеду, сразу же, из гостиницы, дам телеграмму, а завтра вечером, в восемь, позвоню. Будь в это время дома и попроси соседей не занимать телефон попусту. Если сегодня вечером будет звонить Заславский (ты же знаешь, какой он беспокойный), то скажи, что я уже еду в Ленинград, пускай он не волнуется, и что на весь завтрашний день я полностью отдаю себя в его распоряжение. Может договориваться с директором на любое время. Не удивляйся

---

¹² Давид Федорович (Фишелевич) Ойстрах (1908–1974) – известный советский скрипач, альтист, дирижер и педагог. Народный артист СССР (1953).

¹³ Из мемуаров Вольфа Мессинга: «В анкетах и автобиографиях я писал, что служил в польской армии с 1921 по 1922 год. На самом же деле моя служба пришлась на конец советско-польской войны. Я был призван в марте 1920 года и демобилизовался в мае следующего года. Можно было вообще не указывать в анкетах этого обстоятельства, но я указал, только немного сдвинул даты, чтобы не считаться «врагом» – участником советско-польской войны на стороне поляков. В боевых действиях я и в самом деле не участвовал, служил в санитарях... я представить не мог, как возьму винтовку и стану стрелять в людей. Тем более – в совершенно незнакомых, которые мне ничего плохого не сделали. А вот санитарное дело пришлось мне по душе. Я сострадателен, и мне нравилось помогать раненым, заботиться о них. Делать добрые дела вообще приятно». (Мессинг В. Я – телепат Сталина / Перевод Г. Я. Коган.)

¹⁴ Рудольф Евгеньевич Славский (Заславский) (1912–2007) – известный советский клоун и цирковой режиссер.

тому, что исчез весь коньяк. Я предпочел взять из дома, потому что в Ленинграде не смогу купить «Двин»¹⁵.

Все, мне пора уезжать, машина приехала.
Целую тебя крепко,
Твой В.

20 мая 1948 года

О, ты прекрасна, возлюбленная моя, ты прекрасна!
Моя любимая драгоценная Аидочка!¹⁶

Все, что я хотел тебе сказать, сказано в первой строчке. Все остальное, что только можно сказать о тебе, любимая моя, всего лишь комментарии к этим словам. Я – твой Шломо¹⁷, ты моя Шуламит¹⁸. Наша любовь велика, и сила ее тоже велика. После встречи с тобой я словно помолодел на тридцать лет. Почему «словно»? Так оно и есть, любимая моя.

Вижу, как, дочитав до этого места, ты качаешь головой и думаешь: «Комплименты – дело хорошее, но как устроился мой муж?»

Устроился я хорошо, насколько хорошо вообще можно здесь устроиться. Абастумани – такая же захолустная дыра, как и Гура-Кальвария. Если говорить начистоту, то дело не в Абастумани, а в том, что рядом со мной нет тебя. Без тебя мне и Москва с Парижем будут казаться захолустьем. Когда человек тоскует, ему и мед горчит.

Удивляюсь тому, как я мог приехать сюда один. Проклинаю себя за то, что поддался твоим уговорам. Если тебе не подходит горный климат, то и мне он подходить не должен. Надо было подождать другого варианта, выбрать место, куда мы могли бы поехать вдвоем. Понимаю прекрасно, что ты действовала из лучших побуждений. Тебе хотелось, чтобы я отдохнул, и ты настояла на своем. Если бы не слово, которое я дал тебе, то я бы уже ехал обратно и писал бы тебе это письмо в поезде. Но ты сказала: «Ради меня – отдохни». И я отдыхаю. Тело мое здесь, в Грузии, а мысли рядом с тобой в Москве. Ты – моя самая дорогая драгоценность! Ты подарок, который послал мне Бог тогда, когда я уже не ждал подарков! Ты – звезда, озарившая своим светом мою мрачную одинокую жизнь и согрешившая меня своим теплом! Чем была моя жизнь без тебя? Унылым безрадостным существованием неприкаянного человека, потерявшего всех своих родных, оторванного от родных мест и обреченного на вечное скитание. Одиночество мое было таким, что о нем надо было писать огромными буквами. С тобой же я стал счастлив! У меня появилась не только любимая жена. Появился дом, появился смысл жизни. Знаешь, любимая, ты все сделала правильно, когда отправила меня сюда одного. О, ты же всегда все делаешь правильно. Мне нужно было расстаться с тобой на время, чтобы окончательно осознать, что ты для меня значишь. Мой отец, да будет благословенна его память, если он мертв, или пусть живет он сто двадцать лет, если он чудом сумел спастись, говорил: «Самое вкусное гелзеле¹⁹ – после поста». Поезд еще из Москвы выехать не успел, а я уже затосковал. Лежал с закрытыми глазами, чтобы избежать общения с соседом, и думал о тебе. Ты все сделала правильно. Я подышу горным воздухом, отдохну от работы, постараюсь не умереть от тоски и вернусь в Москву. И день нашей встречи будет таким же радостным, как и день нашего знакомства! Но больше никогда я не поеду отдыхать без тебя, любимая моя! Мы слишком поздно

---

¹⁵ «Двин» – марочный малоэкстрактивный высокоградусный (содержание спирта – 50 %) коньяк группы КВВК (коньяк выдержанный высшего качества), выпускаемый с 1945 года Ереванским коньячным заводом.

¹⁶ В оригинале «Идале».

¹⁷ Еврейский вариант имени Соломон.

¹⁸ Еврейский вариант имени Суламифь.

¹⁹ Гелзеле (гефилте гелзеле) – фаршированная шейка, гусиная или куриная, классическое блюдо кухни евреев Центральной и Восточной Европы.

встретились для того, чтобы теперь позволять себе лишний раз разлучаться. А те, кто говорит, что мужу и жене иной раз полезно отдохнуть друг от друга, никогда не любили и ничего не понимают в любви. Когда хочется отдохнуть друг от друга, то это не любовь, а я не знаю, что такое.

Ты – моя единственная отрада. Ты – половинка моей души, которую я нашел так поздно! Мой дар издевается надо мной, иначе я этого назвать не могу. Я вижу далеко, но не вижу близко. Вижу грандиозные события, но вот мое будущее и будущее моих близких часто остается для меня непостижимым. В те редкие минуты, когда я не думаю о тебе, я думаю о тех, кто остался там²⁰. Пытаюсь установить с ними контакт, но ничего не получается. Так же было и с тобой. Я начал предчувствовать нашу встречу уже здесь²¹. Ах, если бы я мог знать о ней двадцать лет назад или раньше! Тогда бы мы уже двадцать лет были бы вместе. Лишних двадцать лет счастья отняла у нас судьба! Но я благодарен и за то, что у нас есть. Ведь могло ничего не быть. «Немногожко все же лучше, чем ничего», – говорили торговцы в Гуре, когда торговля шла не очень хорошо. Встретив тебя, драгоценная моя, я понял смысл поговорки: «Жена делает мужа господином». Да, это так, ведь мужчина без женщины одинок и слаб.

Но пора рассказать о месте, в котором я отдыхаю. Я же знаю, драгоценная моя, как тебя интересуют детали. Абастумани, как я уже написал, захолустная дыра. Воздух здесь хорош, вода²² гадкая на вкус, но говорят, что она очень полезна. По рекомендации врачей я выпиваю три стакана в день. Ты напрасно предостерегала меня, чтобы я не увлекался здесь вином, дорогая моя. То, что здесь называют вином, у нас дома называли уксусом. Жуткая кислятина! Причем местные пьют ее вместо воды. Воду здесь пьют только дети. Я попробовал вино в трех местах и пришел к выводу, что везде один и тот же уксус. Могу себе представить, какой у них здесь уксус. Наверное, похож на царскую водку!²³

Городок маленький, населения гораздо меньше, чем было у нас в Гуре (сейчас, наверное, в Гуре меньше, чем здесь), но на первой же прогулке я встретил еврея. Это местный фотограф. Он коренной местный житель. Его предки поселились здесь в незапамятные времена, после завоевания Иерусалима Навуходносором. Нам пришлось разговаривать по-русски, иначе мы друг друга не понимали. Фотограф не узнал меня, и в этом мое счастье – есть хотя бы один человек, с которым можно спокойно поговорить.

В санатории я сделал все так, как советовала мне ты, драгоценная моя. Сразу же пошел к главному врачу и попросил хранить в секрете то, что здесь отдыхает Вольф Мессинг. Я всем представляюсь как Владимир Григорьевич. Главный врач пошел мне навстречу, но в горсти чищенных орехов всегда найдется скорлупа. Меня узнал один из отдыхающих, инженер из Куйбышева. Он был на моем выступлении и хорошо запомнил меня. Хуже всего то, что прежде, чем поговорить со мной, он рассказал обо мне всему санаторию. Если бы он сперва подошел бы поздороваться со мной, то я бы внушил ему, что он ошибся. Но как внушить всему санаторию? Уже и в городе на меня начинают оглядываться. Не сегодня, так завтра мой приятель-фотограф тоже узнает, кто я такой, и начнет спрашивать, в каком году его дочь выйдет замуж. Он только об этом и думает.

После завтрака я быстро ухожу на процедуры, после обеда, не заходя к себе, ухожу, точнее – убегаю в город, но после ужина мне некуда деться, и вот тут меня начинают осаждать отдыхающие и сотрудники санатория. Отказывать я не могу, особенно если люди спрашивают о пропавших на войне родственниках или о тех, кто тяжело болен. Надо сказать, что по пустякам меня не беспокоят. Люди приходят с тем, что их давно мучает. За вечер я устаю так, будто

---

²⁰ Вольф Мессинг имеет в виду своих родных, живших в Польше и погибших во время Холокоста.

²¹ То есть в Советском Союзе.

²² Речь идет о минеральной воде.

²³ Царская водка – смесь определенных пропорций концентрированных соляной и азотной кислот, растворяющая большинство известных металлов, в том числе и платину, золото, серебро.

даю два выступления подряд. Рядом нет тебя, моей верной помощницы, и, кроме того, на меня давит та боль, с которой ко мне приходят. Я переживаю за каждого пропавшего или больного так, будто это мой родственник, ночью долго не могу заснуть, потому что думаю о своих. Очень часто приходится лгать. Я не могу сказать, что дни больного сочтены или что брат или сын погибли на фронте. Сказано – да будет проклят тот, кто дает ложную надежду, но это утверждение нельзя относить ко всему без разбора. Пусть лучше надежда скрасит последние недели жизни больного и его родственников. Пусть она скрасит последние годы жизни матери. А вдруг? Иногда же, пусть и очень редко, мой дар подводил меня. Может быть, он и сейчас подводит. Я не могу увидеть человека и решаю, что он мертв, а на самом деле он жив, просто я не могу его увидеть... Кто я такой, чтобы выносить приговор? Уже решил, что в следующий раз, когда мы вместе с тобой поедem в санаторий, я одолжу у кого-нибудь из наших знакомых артистов накладную бороду и усы. Получается парадокс – я сбегая в далекие горы, надеюсь отдохнуть, но мой дар и здесь не дает мне покоя. Мой сосед в столовой – профессор-химик из Ленинграда. Искренне завидую ему. Когда его спрашивают о работе, он вежливо отвечает, что не имеет права о ней рассказывать. Человек приехал отдохнуть и отдыхает. Я-то знаю, что на самом деле он преподает в университете и ничего секретного в его работе нет. Просто он не хочет, чтобы к нему обращались с просьбами поспособствовать в поступлении. Как жаль, что я не могу ничего внушать самому себе. Иначе бы в последний день я внушил бы, будто замечательно отдохнул.

Мой приятель фотограф, да, забыл написать, что его зовут Исааком, водил меня показывать дворец брата последнего царя, который умер здесь от туберкулеза²⁴. Я и представить не мог, что здесь есть дворец царского брата, но вот же – он есть. Прошло много лет, сменилась власть, но местные жители до сих пор гордятся тем, что здесь отдыхал царский брат. Наверное, потому, что больше никто из известных людей здесь не отдыхал. Себя я к таковым не причисляю и не думаю, что много лет спустя здесь кто-то вспомнит обо мне.

Да, вот еще что. Исаак рассказал мне радостную для всех нас новость, которую ты, конечно же, уже знаешь²⁵. Пусть всем нам будет счастье! Мой отец непременно добавил бы: «Всем по стольку, а нашему дому еще немножко». Что нужно человеку, кроме счастья? Мне приятно сознавать, что дело, начатое Герцлем²⁶, получило достойное завершение. Смотри-ка, а у этого великого человека тоже, как я думаю, был дар вроде моего. Я помню, что он предсказывал случившееся примерно в это же время²⁷. Сердце радуется – как же хорошо, какая отличная новость. Мы с Исааком выпили немного вина по этому поводу. Местные евреи делают свое вино, и оно у них похоже на вино, а не на уксус. Одна лишь мысль омрачает мою радость – почему это не случилось хотя бы пятнадцать лет назад? Столько человек остались бы живы! Увы, прошлого не изменить. Гоню от себя мрачные мысли, говорю себе – хорошо, что хотя бы сейчас это произошло. Восемнадцать веков должно было пройти, чтобы все вернулось на свое место!²⁸ Мы с Исааком поспорили, сколько поколений умещается в восемнадцать веков. Он считал по три поколения на век, но я доказал ему, что надо считать по пять. Каждые двадцать лет – это новое поколение. Получается, что девяносто поколений прожило в изгнании!

²⁴ Речь идет о цесаревиче Георгии Александровиче Романове (1871–1889), брате российского императора Николая II.

²⁵ Можно предположить, что речь идет о провозглашении государства Израиль 14 мая 1948 года.

²⁶ Теодор Герцль (Биньямин Зеэв; 1860–1904) – еврейский общественный и политический деятель, основатель Всемирной сионистской организации, провозвестник еврейского государства и основоположник идеологии политического сионизма. В 1899 году Герцль создал «Еврейское колонизационное общество» с целью закупки земли в Палестине, которая тогда была частью Османской империи.

²⁷ Герцль предсказывал основание еврейского государства и всего лишь незначительно ошибся в сроках.

²⁸ С 63 года до н. э. еврейское государство Иудея стало вассалом Рима и с 70 года н. э. было превращено в римскую провинцию, лишившись последних остатков самостоятельности. После поражения восстания Бар-Кохбы против римлян в 135 году римляне изгнали из Иудеи подавляющее большинство еврейского населения и переименовали провинцию из Иудеи в Сирию Палестинскую, желая уничтожить саму память о былом еврейском присутствии на этой территории.

Девяносто! Представляю, какая радость царит сейчас во всем мире! Еще раз поздравляю тебя, драгоценная моя!

Забыл написать еще об одном хорошем здешнем обстоятельстве. Кормят в санатории замечательно. Если бы драгоценная моя была бы рядом, то не смогла бы ни в чем упрекнуть здешних поваров. Мясо они готовят, как положено готовить мясо, печенку – как печенку, курицу – как курицу. Ничего не передерживают и не подают полусырым. Лишь на вопрос о том, есть ли в пюре молоко, я получил от официантки немного резкий ответ, но ее резкость была вызвана непониманием сути дела. Она решила, что я привередничаю. Когда же я объяснил ей, что евреям нельзя смешивать в одной трапезе мясное с молочным, она извинилась. Странное дело – все вокруг знают, что евреи не едят свинину, но то, что нам нельзя мешать мясное с молочным, не знает почти никто. А уж о том, что крольчатина не кошерна, я даже вспоминать не стану.

В санатории есть можно, а вот в городе лучше и не пытаться. В городе хорошо пить кофе, здесь его готовят замечательно. Получается очень крепкий и ароматный напиток. Еда же вся острая, совершенно мне незнакомая, очень часто жирная. Изжога от такой еды гарантирована. Правильнее всего делать как я – питаться в санатории, а в городе пить кофе и наслаждаться запахами мяса, которое готовят на углях. Мясо это для меня на вкус слишком сухое и жесткое, но пахнет оно, когда готовится, замечательно. Исаак рассказал, что здесь даже в годы войны не испытывали голода, потому что все ведут свое хозяйство. У Исаака, несмотря на то что он фотограф, причем – единственный в городе, так что без дела не скучает, тоже есть хозяйство. Большой огород, размером с маленькое поле, почти такой же сад, овцы, козы, куры. Вспомнив детские годы, я немного обсудил с моим другом хозяйственные вопросы, за что был удостоен почетного звания «Еврейская голова». Исаака удивило, что приезжий из Москвы кое-что понимает в сельском хозяйстве и умеет отличить яблоню от груши, когда на деревьях нет плодов. Я, конечно же, не обладаю такими познаниями, как мой несчастный отец, и многое уже позабыл, но поддержать разговор о видах на урожай могу. Из своего винограда Исаак делает замечательную пейсаховку²⁹. Он угостил меня тем, что осталось от праздника, мне очень понравилось. Не думай, дорогая моя, что я тут только тем и занимаюсь, что пьянствую. Большею частью я пью лечебную воду, а все остальное позволяю себе по чуть-чуть. Исаак рассказал мне, что местные эту воду не пьют, а принимают ванны с ней при болезнях. Я пишу «ванны», но вместо ванн здесь используют обычные бочки. Бочку несут к источнику, набирают туда воду, приводят или приносят (это уж как Бог распорядится) больного и сажают на некоторое время в бочку.

Вчера вечером здесь была гроза. Гроза в горах – невероятное по своей красоте зрелище. Я стоял у окна и смотрел, хотя мне было не по себе. Но любопытство пересилило страх. Было такое впечатление, будто мир раскалывается надвое. А потом хлынул такой ливень, что мне показалось, что вода сейчас смывает весь городишко вместе с нашим санаторием. Но спустя каких-то полчаса ливень закончился, ветер стих, стали видны звезды и наступил такой покой, будто только что не было ни грозы, ни ливня. В такие минуты особенно остро ощущается величие Бога и ничтожность всего мелочного, суетного, ничтожность всего несерьезного, которое почему-то кажется нам серьезным. Я не мог заснуть до утра и много думал. Большею частью я думал о тебе и о нашей любви. Любовь – это то немногое, что по-настоящему важно. Люблю тебя, моя Аидочка, люблю, люблю, люблю!

Пора заканчивать, любимая моя, а то письмо не поместится в конверте. Все, кто отдыхает в санатории, фотографируются на память у Исаака, но я не стану. Зачем мне фотография, на которой нет тебя? Да и фотографируют здесь по-дурацки. Надо просунуть голову в дыру на полотняной декорации с изображением всадника, и будешь как на пачке «Казбека». Не пони-

---

²⁹ Еврейская водка (точнее – самогон) из изюма, которую, в отличие от обычной зерновой водки, разрешено пить в праздник Пейсах.

маю, кому нужна эта примитивная декорация, если можно фотографироваться на фоне красивых настоящих гор? Но нет, все хотят быть «Казбеками», даже женщины, а аппарат Исаака не может, как он мне сказал, «брать панораму». Да, вот еще, забыл написать, что курю я мало, как и обещал тебе. Ни разу не выкурил две подряд и делаю большие перерывы. Натощак курю только утром, когда встаю. Без этого обойтись никак не могу. Местные курят здешний грузинский табак. Со стороны пахнет он хорошо, но этим его достоинства исчерпываются. Курить его самому неприятно – он чересчур крепок и сильно дерет горло. Возможно, потому, что здесь рубят не только листья, но и стебли.

Перечитал свое письмо, мой отчет тебе, и убедился, что ни о чем не забыл написать.

Целую тебя тысячу раз, любимая моя, и с нетерпением жду встречи.

Напиши мне такой же подробный отчет обо всем, что ты без меня делаешь. Ничего не упускай, прошу тебя. Я стану читать и представлять себя рядом с тобой. Это хотя бы немного скрасит мою тоску.

Твой В.

Р. С. Главный врач угостил меня вареньем из молодых грецких орехов. Это невероятно вкусно. Я и не знал никогда, что из молодых орехов варят варенье. Купил две банки этого варенья, чтобы порадовать тебя по возвращении. Уверен, что тебе понравится, ведь наши вкусы совпадают. Купил бы и четыре, но в чемодане больше нет места, а ехать с корзиной в руке я, как ты понимаешь, не могу. Вольф Мессинг с корзиной в одной руке и узлом в другой – ха-ха-ха!

В.

31 мая 1948 года

Здравствуй, любовь моя!

Вчера полдня пытался дозвониться в Москву. Очень хотелось услышать твой голос и сказать, как я люблю тебя. Но легче, наверное, дойти отсюда до Москвы пешком, чем дозвониться. Мне объяснили, что это обычное дело. Хорошая связь есть только с Тбилиси, и то не всегда. При упоминании о Тбилиси я сразу же вспомнил те две недели, которые мы там провели. Тбилиси в этот раз я совершенно не запомнил, помню только наши ночные посиделки на балконе в гостинице. Какой-то злой рок преследует меня в этом прекрасном древнем городе. Я никак не могу познакомиться с ним. То помешало начало войны, то я был персональным гостем первого секретаря ЦК³⁰ и запомнил только бесконечные застолья, то я был с тобой, а когда рядом ты, любимая моя, мне нет дела до городов. Это не упрек, Боже упаси, просто говорю то, что есть. Очень жаль, что нельзя было вечером гулять по Тбилиси³¹, но нам и на балконе было хорошо, правда же? Когда ты рядом, я смотрю только на тебя, когда тебя нет, я смотрю по сторонам. Поэтому я совершенно не запомнил Тбилиси, но Абастумани изучил так, будто я здесь родился. Мой дар помогает мне общаться с людьми. Мысли я читаю на любых языках, потому что мысль – это мысль. И внушать я могу точно так же, при полном незнании грузинского языка. Поэтому если я сбиваюсь с дороги (городок мал, но заблудиться в нем легко, есть настоящие лабиринты), то просто мысленно прошу первого встречного показать мне дорогу.

---

³⁰ Из мемуаров Вольфа Мессинга: «Разговор перешел на Тбилиси. Сталин начал спрашивать, что я успел там увидеть. Я успел увидеть мало, потому что война вмешалась в мои планы и вынудила меня срочно уехать. «А вы поезжайте сейчас, – посоветовал Сталин. – Я скажу Кандиду, чтобы он организовал вам достойную встречу». Кандидом звали Первого секретаря ЦК Грузии Чарквиани. Я последовал совету Сталина и в сентябре 1942 года приехал в Тбилиси. То было очень сложное время. Бои шли на Кавказе, немцы рвались в Закавказье, но их туда не пустили. Чарквиани организовал мне такую встречу, которая запомнилась мне на всю жизнь. То был истинный пример кавказского гостеприимства». (Мессинг В. Я – телепат Сталина / Перевод Г. Я. Коган.)

³¹ Можно предположить, что это было связано с послевоенным разгулом бандитизма в СССР.

Надо сказать, что длительные прогулки на свежем воздухе пошли мне на пользу. Чувствую себя хорошо. Отдыхать тоже получается, потому что все, кто хотел что-то у меня узнать, уже сделали это и оставили меня в покое. Даже больше – люди чувствуют себя обязанными мне и пытаются сделать мне что-то приятное. Никто не занимает мою любимую скамейку по вечерам, мне уступают очередь на процедуры, постоянно чем-то угощают. Все сокрушаются, что приехали сюда в мае, а не в августе, когда поспевают фрукты. Увы, человек предполагает, а профсоюз располагает. Когда дали путевку, тогда и изволь ехать. Мой сосед профессор спросил меня: «А почему вы им не внушили, чтобы вам дали две путевки на август?» Я объяснил, что принципиально не пользуюсь своими способностями для решения личных вопросов. Он мне не поверил, но сделал вид, что поверил. Теперь станет рассказывать всему Ленинграду, что для Вольфа Мессинга тоже есть невозможное. Ах, если бы он знал, сколько существует невозможного для меня.

Любимая моя! Дни без тебя скучны, а ночи еще скучнее. Не знаю, уместно ли солидному взрослому человеку, которого называют «профессором», писать такое своей жене, но все же напишу. В разлуке с тобой по ночам на меня находит такое томление, что я места себе не нахожу. Чувствую себя как мальчишка, который впервые полюбил и впервые узнал радости любви. Собственно, почему – «как»? Я и есть этот мальчишка. По-настоящему я полюбил впервые за всю свою жизнь и радости любви в полной мере вкусил только с тобой. Все, что было раньше, это все равно как кусок черствого хлеба перед чолнтом³². Прости, драгоценная моя, за столь прозаическое сравнение, но человек, которому в детстве и юности приходилось жить впроголодь, всегда будет сравнивать все хорошее с едой. Ночью без тебя чувствую себя еще хуже, чем днем. Утром просыпаюсь с таким чувством, будто меня обокрали. Меня на самом деле обокрали – украли еще одни сутки счастья. Считаю дни, оставшиеся до нашей встречи. Скоро начну считать часы. Когда считаешь, то кажется, будто приближаешь заветный миг, хотя на самом деле – считай или не считай – раньше ничего не наступит. Без тебя мне плохо, драгоценная моя Аида. Даже не представлял, насколько мне будет плохо.

Хотел порвать написанное, но потом передумал. Я не ною, я не жалуясь, я просто хочу другими словами сказать все о том же – о том, как я тебя люблю, несравненная моя. Вся моя прошлая жизнь, все эти без малого сорок пять лет, была подготовкой ко встрече с тобой. Богу было угодно лишить меня всего, что я имел, чтобы потом вознаградить меня так, как я и мечтать не мог. Не знаю, в чем заключался Его промысел. Хотел ли Он испытать меня, чтобы узнать меру моей стойкости, или же сжалился надо мною и решил наградить? Не знаю и не хочу знать. Мне достаточно того, что ты у меня есть, любимая моя! И пусть нам есть о чем грустить вместе, но грусть, разделенная с тобой, это уже не грусть. По закону жена получает половину святости мужа. У нас наоборот – я получил половину твоей доброты. До встречи с тобой я был нервным желчным меланхоликом, а ты изменила меня. Ты согрела меня, и лед, лежавший на моем сердце, растаял. Ты совершила настоящее чудо, любимая моя! Знаешь, написать обо всем можно только в письме, потому что лицом к лицу я всего досказать не смогу. Ты улыбнешься, я тебя поцелую, и нам станет не до разговоров. Ты можешь спросить – зачем говорить языком то, что сердце давно сказало сердцу? Все равно нужно говорить. Хотя бы потому, что это доставляет нам радость. Доброе слово, как кусок сахара в чае, никогда не бывает лишним. Ты свет моей жизни, любимая моя, ее смысл и ее радость. Твое появление перечеркнуло все мои страдания. Они отошли куда-то далеко, так исчезают тени, когда восходит солнце. Только встретив тебя, я по-настоящему понял слова «Мужчина, не имеющий жены, не может считаться человеком». Было время, когда я посмеивался над этим изречением, теперь же мне стыдно за мой тогдашний смех, который происходил от непонимания. Мой отец говорил: «Умный смеется над тем, что понимает, а дурак над тем, чего не понимает». Да, я

---

³² Чолнт (также «чулнт» или «шалет») – традиционное еврейское субботнее блюдо из мяса, овощей, крупы и фасоли.

был дураком и теперь уже не стыжусь признаться в этом. Ты осчастливила меня, ты вернула мне радость жизни, ты подарила мне свою любовь, дар, драгоценнее которого нет ничего на свете. Как я могу отблагодарить тебя? Чем? Я в неоплатном пожизненном долгу перед тобой, любимая моя. Надо стократ быть праведником, чтобы заслужить такое счастье, которое выпало мне, хоть я и нисколько не праведник.

Люблю тебя, люблю, люблю, люблю, люблю, люблю... Если тысячу раз напишу это слово, то и тогда не смогу передать моей любви к тебе!

Письма пишу по ночам, когда ничто не отвлекает. Письма к тебе помогают бороться с тоской. Сейчас вдруг по территории проехал автомобиль. Я удивился – неужели это за мной? Снова я кому-то понадобился? Удивился, потому что на этот раз ничего не почувствовал. Не было желания одеться и выйти из корпуса. Тревога оказалась ложной. Недалеко от нашего санатория ограбили какого-то бедолагу, и милиция приезжала с проверкой. Я даже немного расстроился – ну как же так, почему я никому не нужен? Надеюсь, что дежурный не сказал милиционерам о том, что здесь отдыхает Вольф Мессинг. Мне очень неловко, когда меня просят раскрыть какое-то преступление. Если мне покажут человека, то я смогу сказать, виновен он или нет. Но если мне покажут жертву преступления, я не смогу рассказать больше, чем она. Вспомнился случай, который произошел со мной в Свердловске в 1943 году. Бандиты ограбили инкассаторскую машину, украли крупную сумму денег, и начальник милиции решил привлечь меня к розыску преступников. Отказаться я не мог, это было бы чревато крупными неприятностями. Объяснений моих он не слушал, говорил только одно: «Ну-ну, не скромничайте». Сначала он привез меня на место преступления и потребовал рассказать, как было дело. Я не смог ничего сказать. Тогда он увез меня в управление. Три дня я сидел в его кабинете, куда приводили всех, на кого могло пасть подозрение в соучастии, но так никого не смог уличить. В конце концов, когда я понял, что эта затея ничем хорошим не закончится, пришлось от слов прибегнуть к внушению, чего я, как тебе известно, стараюсь избегать. Я внушил ему то, что он не хотел понимать: пока не задержаны настоящие преступники, толку от меня не будет. Нет смысла хватать всех, кто попадется под руку, и вести ко мне. Тогда он меня отпустил. Те, кто завидует моему дару, не знают, какие неприятности он мне иногда приносит. Ты скажешь – надо было внушить сразу же. Но я не люблю прибегать к этому попусту, и потом, я не хотел выглядеть человеком, который отказывается найти преступников, убивших троих человек.

С развлечениями здесь плохо. Фильмы показывают старые – «Волга – Волга», «Светлый путь» и тому подобное. А я-то надеялся посмотреть здесь «Весну», на которую все никак не могу попасть. Приходится развлекаться шахматной игрой. Играю, как ты сама понимаешь, сам с собой. Результат всегда один и тот же – ничья. Шахматы для меня не игра, а средство отрешения от действительности. Здесь много преферансистов. Одна компания предлагала мне сыграть с ними. Небось захотелось рассказать всем, как они обыграли самого Мессинга. Наивные люди. Я, разумеется, отказался, а ведь мог неплохие деньги выиграть (это я шучу, не подумай, что твой муж решил обманывать людей). Меня просто повеселила их самонадеянность. Неужели они не понимали, что мне будет известно и у кого какие карты, и кто как собирается пойти? Даже если со мной станут играть два шулера самого высокого класса, шансов у них не будет. Кстати, драгоценная моя, подумай о том, не стоит ли нам ввести в программу опытов игру в преферанс? Мысль об этом кажется мне привлекательной, но как сделать опыт зрелищным, я не могу понять. Если разыгрывать партию, то это долго и зрителям будет скучно. Нужно коротко и так, чтобы производило впечатление. И не упрекну ли нас в том, что мы пропагандируем азартные игры? А может, играть в подкидного? Пригласить на сцену четырех игроков из зала и двух наблюдателей? Может, в подкидного даже лучше, эта игра, в отличие от преферанса, известна всем? Подумай, пожалуйста.

Вот видишь – я уже отдохнул, раз начал придумывать новые опыты. Есть еще парочка задумок, но это уже при встрече. Проще рассказать, чем писать. Главный врач, раз уж мое

инкогнито раскрыто, спросил, не соглашусь ли я выступить перед отдыхающими, но я отказался. Не хочется мешать отдых с работой, и, кроме того, здесь нет тебя, драгоценная моя Аидочка, а без тебя я как без рук. Но здесь вообще-то принято выступать. Кто-то рассказывает свою биографию, кто-то играет на скрипке, кто-то показывает фокусы... Напоминает корчму старого Лейзерзона в Гуре, помнишь, я тебе рассказывал об этом нашем клубе для бедняков.

Несколько человек хвалили мне Сочи. Там идеальное место для нас обоих – море, чистый воздух, много солнца. Я записал названия санаториев, которые мне рекомендовали.

Купил тебе подарок, а какой – не скажу. Ты всегда хотела научиться угадывать мысли – можешь потренироваться. Дам подсказку – это нечто такое, что очень хорошо подойдет к твоим прекрасным глазам.

Я впервые отдыхаю в советском санатории, и многое мне кажется непонятным, а кое-что так и смешным. Вот зачем, скажи мне, любовь моя, взвешивать людей при приезде и отъезде? Разве я телок, чтобы давать привес. Ладно еще я, мне парочка лишних килограммов пойдет на пользу, но мой сосед-профессор, о котором я тебе писал, приехал для того, чтобы хоть немного сбросить вес. Ест мало, целыми днями ходит по горам, короче говоря – старается изо всех сил. Разве для него потеря в весе будет ущербом? А это, как оказалось, очень важный показатель. По нему есть свой план, и если его не выполнить, то не будет премий.

Вот кого мне хочется выкрасть отсюда, так это здешнего массажиста. Он творит настоящие чудеса. После шести сеансов пришло такое ощущение, будто мне вставили новый позвоночник. Массажист очень скромный, в ответ на похвалу он улыбается и говорит, что весь секрет в воде и воздухе, а он только помогает немножко. Наш Ленечка в сравнении с ним дилетант – пыхтит, старается, а толку мало. По приезде в Москву стану искать другого массажиста. Пока не сравнишь, не поймешь. Я теперь спокойно могу согнуться и разогнуться, не боясь, что прихватит спину. Чувствую себя помолодевшим и говорю тебе: готовься, любимая моя! Тебе придется выдержать сокрушительный натиск! Знаешь, драгоценная моя, ради того чтобы так предвкушать встречу, как предвкушаю ее я, иногда не мешает и расстаться ненадолго.

Целую тебя тысячу раз, любимая моя! Скоро, уже совсем скоро, смогу сделать это наяву, а не в мыслях.

Больше писать не стану. Нет смысла писать письма, которые придут позже моего возвращения. Очень прошу – не надо встречать меня на вокзале. Жди меня дома. Я хочу приехать не в пустую квартиру, хочу, чтобы ты открыла мне дверь. Считай это причудой, но для меня это очень важно. Приятно возвращаться, когда кто-то свой есть дома. Я столько раз возвращался в пустые комнаты, где меня никто не ждал! Больше такого не хочу!

Целую! Люблю! Жду встречи!

Твой В.

13 сентября 1948 года

Здравствуй, любимая моя!

Пишу тебе из ссылки – так я называю про себя нынешнюю поездку в Ленинград. Так оно и есть. Павел Борисович³³ отправил меня в недельную ссылку к своим коллегам. Я понимаю,

---

³³ Речь идет об известном советском психиатре, профессоре, докторе медицинских наук Павле Борисовиче Посвянском (1903–1976), который занимался изучением феномена Вольфа Мессинга. «С 1946 по 1949 год мой феномен изучали в психоневрологическом институте. Меня пригласил в институт профессор Павел Борисович Посвянский, с которым мы познакомилась во время войны в Томске. После моего выступления перед сотрудниками и пациентами (в эвакуации институт работал как госпиталь) меня попросили дать еще одно выступление для узкого круга сотрудников, заинтересовавшихся моими способностями с научной точки зрения. Так началось мое сотрудничество с профессором Посвянским и его институтом. Моими способностями интересовались многие ученые, но только Павел Борисович взялся за дело всерьез. Он и его коллеги работали со мной три с половиной года. Эта работа то и дело прерывалась из-за моих отъездов, но я однажды подсчитал, что провел в институте около трех месяцев. Мне было очень лестно ощущать себя объектом столь серьезного исследования, но согласился

что он уже отчаялся что-то понять, зашел в тупик. Здешний профессор тоже намекнул на это. Он сказал: «Одна голова хорошо, а две – лучше». Пусть будет хоть десять, мне самому в первую очередь было бы очень интересно узнать научное объяснение моего дара.

Я думал, что здесь снова начнут с попыток «разоблачить» меня, но на это времени тратить не стали, не захотели повторять напрасных трехмесячных стараний Павла Борисовича. Это невероятно забавно, когда человек, чьи мысли я читаю, словно книгу, пытается поймать меня на лжи. К чести Павла Борисовича должен признать, что он и не скрывал это. Сказал, что, прежде чем изучать любое явление, ученый должен доказать всем, и себе в том числе, что это явление действительно существует.

Полдня меня, опутанного проводами, просили сделать то или это. После обеда проводов уже не было. Ко мне приводили разных людей, и я пробовал читать их мысли. Подробности расскажу при встрече, потому что двое из этих людей были настоящими униками. Напомни, драгоценная моя, и я расскажу. А то ведь стоит мне увидеть тебя после разлуки, как все мысли сразу же вылетают из моей головы, ты знаешь.

Разместили меня в клинике. Это обычная больничная палата, при которой есть все необходимое, с отдельным входом. На двери висит табличка «изолятор». Я рад тому, что мне не нужно ходить или ездить по городу. Здесь пока еще многое напоминает о войне, а каждое такое напоминание сразу же вызывает у меня мысли о моих родных. Я и без того постоянно о них думаю, но когда вижу разрушенный дом, то сразу же на глазах выступают слезы. А для исследования я должен пребывать в спокойном состоянии, это неперемное условие. Здесь даже чересчур спокойно – тишина вокруг, окно мое выходит в заросший кустами двор, в котором ни души, нет радио, правда, обещали приносить утром газеты. В честь нашего знакомства я рассказал профессору три новости, которые будут в завтрашних газетах. Он все подробно записал, а затем пригласил еще четырех человек и попросил меня повторить сказанное. Я повторил, но вот объяснить, «как я это делаю», не смог. Мой обычный ответ «я не знаю, все происходит само собой, я дышу, тоже не понимая, как я это делаю», вызвал сильное недоверие у одного из присутствующих. У остальных тоже были подобные мысли, но они пережегались с сомнением, а этот подумал: «Никакой фокусник не выдаст секрета своего фокуса». Я сказал ему, что он напрасно так думает, и в подтверждение своих слов сделал обычное – назвал имена членов его семьи, домашний адрес и т. п. Недоверие исчезло. Ему стало стыдно. Он еще рта не успел раскрыть, как я сказал, что извинения приняты. Дело закончилось фотографированием на память.

Жаль, что у меня нет телефона. Телефон есть у профессора в кабинете, он любезно предложил мне им пользоваться, но это вряд ли возможно. Днем я вряд ли смогу это сделать, поскольку не хочу мешать весьма занятому человеку работать, а вечером кабинет заперт. Я мог бы попросить ключ, но мне неловко. Вот если бы телефон был у меня под рукой, тогда другое дело. В письмах, любимая моя, для обоих нас есть свое преимущество. Мне не надо ждать, пока нас соединят, ты же знаешь, как я ненавижу ожидание, а тебе можно будет перечитывать мое письмо. Это интереснее, чем вспоминать телефонный разговор. Павел Борисович говорил о неделе исследований, здешний профессор предполагает задержать меня на три дня дольше, но на самом деле я вернусь в Москву в воскресенье. До конца недели здешний профессор закончит меня изучать. Я, разумеется, не сказал ему об этом, чтобы он не подумал, будто я намекаю ему на то, что нам пора заканчивать. Профессор сказал мне, что первым ему рассказал обо мне не Павел Борисович, а человек, с которым я познакомился вскоре после приезда в Москву³⁴.

я на него не по этой причине. Мне всю жизнь хотелось получить научное объяснение моих способностей. Больше всего меня интересовало объяснение моей способности видеть будущее. Это самое удивительное из того, что я умею, – видеть то, что еще не произошло. Как это происходит? Откуда берутся образы будущего? Что я могу сделать для дальнейшего развития своих способностей? К моему огромному сожалению, мне никто так и не смог ничего объяснить». (Мессинг В. Я – телепат Сталина. Перевод Г. Я. Коган.)

³⁴ Речь идет о Лаврентии Павловиче Берии.

Он консультировался у профессора по поводу того, известны ли науке такие феномены, как я. Я сразу же вспомнил, как изменилось отношение ко мне после той встречи.

Драгоценная моя! Чуть больше суток прошло со времени нашего расставания, а я уже соскучился так, будто мы не виделись целый год! Да что там год! Десять лет! Вечность! Очень жаль, что условия нынешнего исследования не разрешают тебе быть рядом. Не могу судить о том, правы ли мои уважаемые профессора, но и возражать им не могу. Я уже знаю, что все труды добрейшего Павла Борисовича пропадут напрасно. Он так ничего и не сможет объяснить. Но я надеюсь на то, не вижу, не предчувствую, а всего лишь надеюсь, что материалы, собранные учеными за несколько лет, будут изучены и поняты в будущем. Не могу сказать, когда это случится, потому что в том, что касается меня самого, мой дар часто мне изменяет, но надеюсь. В конце концов, должно же быть всему научное объяснение. Я свято верю в науку. А как же иначе? Достаточно сравнить, какой была наша жизнь в начале века и какой она стала сейчас. Поэтому я принимаю участие в любых экспериментах, даже в тех, которые кажутся мне откровенно нелепыми. Ты помнишь, как я удивлялся, когда Павел Борисович водил меня по больницам и просил читать мысли тех, кто был без сознания или был психически болен. Я не видел в этом смысла и считал, что мы тратим время напрасно, но подчинялся. У ученых могут быть свои соображения, и вообще ход их мыслей устроен иначе. Обычному человеку хоть сто яблок на голову упади – ничего не случится. А ученый говорит: «Ага!» – и открывает закон земного притяжения. Главное не в том, что делают ученые, а в том, что они записывают каждый свой шаг, каждое слово. У Петра Борисовича в шкафу мне отведена целая полка, будто я Шолом-Алейхем или Горький. Только вместо книг там стоят папки с бумагами. Уверен, что и здешний профессор до конца недели соберет две папки.

Завтра будет тяжелый день. Для меня оборудовали помещение в подвале, где я должен буду провести почти весь день. Будки с металлическими стенами здешнему профессору мало, он непременно хочет провести исследования под землей. А ты знаешь, как я не люблю закрытые пространства с тридцать девятого года. Но что поделать. Русские очень точно говорят – назвался груздем, полезай в кузов. В поезде, по дороге сюда, я открыл для себя новое развлечение – начал сравнивать еврейские пословицы с русскими. Очень увлекательное занятие, много сходства, хотя и не всегда сразу сообразишь, что к чему. Например, «Хорошее слово приносит хороший ответ» – это все равно что «как аукнется, так и откликнется». Чепуха, конечно, но в поезде читать не могу, поэтому приходится развлекаться другими способами. Но зато в поезде замечательно спится. Признаюсь тебе, что в этот раз мне пришлось воспользоваться моим даром в личных целях, потому что мой попутчик, директор завода, очень настойчиво уговаривал меня с ним выпить. Не помогли ни ссылки на нездоровье, ни на то, что назавтра мне нужна свежая голова. Пришлось внушить ему, что он в купе один. Ты не представляешь, как он смотрел на проводника, когда тот обращался ко мне. Наверное, решил, что проводник сошел с ума или что сам выпил лишнего (так оно на самом деле и было). Для того чтобы не портить весь этот спектакль, я отвечал проводнику жестами. Если бы еще и пустота, к которой обращался проводник, вдруг бы заговорила, мой сосед мог бы на всю оставшуюся жизнь забыть о коньяке и пить только воду. Люди часто удивляют меня. Можно говорить, что выпивать не разрешают врачи или что утром надо иметь свежую голову, но все равно они будут приставать, говоря: «Давай выпьем» – и обижаться, что я не пью. Но когда однажды в Ташкенте я сказал: «Сейчас Песах, а в Песах еврею нельзя ни водки, ни пива», от меня сразу же отстали и никто не подумал обижаться. Мне сразу же принесли чаю.

Пока писал письмо, любимая моя, наступила ночь. Я сижу у открытого окна, наслаждаюсь прохладой и думаю о тебе. Сейчас ты скажешь: «Что это такое?! Написал гору всякой чепухи и теперь утверждает, что он думал обо мне!» Да, я думаю о тебе постоянно. Даже когда голова моя занята чем-то другим, в ней крепко сидят две мысли. Первая – о, как же хорошо, что у меня

есть моя любимая, моя драгоценная, моя несравненная Аидочка! Эта мысль словно шамаш³⁵, от нее происходят все другие мои мысли. Вторая мысль – что сейчас делает моя Аида? Я знаю, что сейчас ты сидишь в кресле с книгой и думаешь обо мне. Я не перестаю удивляться тому, как по-разному передают людской облик фотографии. Есть люди, которые на фотографиях выходят в точности такими, как и в жизни. Но ты – особый случай. Ни одна фотография, как бы ни старался фотограф, не может передать и сотой доли твоего очарования. И внутреннего света она тоже не может передать. Надо быть великим художником, таким, как Рембрандт или Рафаэль, чтобы написать портрет, который будет похож на тебя. Как жаль, что я не такой!

Будет весело, если ты получишь это письмо в воскресенье, незадолго до моего приезда. А если оно придет позже, то я прочитаю тебе его сам. О, как же приятно писать тебе письма! Я так давно не писал никому писем по зову души, а не по делу, что почти забыл о том, как это приятно! Все, что связано с тобой, приятно и радостно. В голове моей витают игривые мысли, любимая моя. Я смотрю на мою кровать, она какая-то особенная – высокая и вместо сетки у нее железная решетка, но благодаря мягкой перине спать очень приятно. Видела бы ты эту перину. Наверное, ее принесли сюда из царского дворца, такая это роскошная вещь. Когда я прилег на нее, было такое ощущение, будто я парю в облаках. Обстановка в моей комнате совсем не больничная. Есть письменный стол, три стула, удобное кресло. Но что мне эти удобства, драгоценная моя, если рядом нет тебя? Пишу эти строки и напеваю: «Нет лучше моей любимой, она как Луна среди звезд...»

Целую тебя тысячу раз, драгоценная моя!

До скорой встречи.

Твой В.

3 марта 1950 года

Любимая моя Аида!

Наверное, смешно выглядит тот, кто после долгого телефонного разговора садится писать письмо, но мне захотелось это сделать. Когда я пишу тебе, драгоценная моя, у меня возникает такое ощущение, будто ты сидишь рядом. Такова магия письма. Кроме того, мне очень нравится писать тебе письма, а такая возможность, к счастью, предоставляется нечасто. К счастью, потому что ты знаешь, как я не люблю расставаться с тобой. Праздник без тебя не праздник. Жизнь без тебя не жизнь. Не прими мои слова за упрек, я прекрасно понимаю Ирочкино³⁶ состояние и понимаю, что твой долг быть сейчас рядом с ней, я просто констатирую факт. Сегодня Пурим, но настроение у меня как Девятого Ава³⁷. Какой праздник может быть без моей любимой жены? С кем мне разделить праздничную трапезу? Праздник был, когда мы разговаривали с тобой, но как только нас разъединили, праздник закончился. Домой с почтамта я шел кружным путем. Надеялся, что погожий день поднимет мое настроение. Но надежды были напрасными. Мало того что обстановка сложная, все празднуют праздники по домам, в гости не ходят³⁸, так еще и ты уехала. Дома вспомнил слова отца, да будет благословенна его память. Когда я начал выступать, он сказал мне: «Займись делом, которое приличе-

---

³⁵ «Шамаш», или «нер шамаш» (дословно: «слуга»), – так называемая «рабочая свеча», от которой зажигаются праздничные ханукальные свечи.

³⁶ Ирочка – родная сестра Аиды Мессинг-Рапопорт Ираида Михайловна.

³⁷ Пурим – один из основных еврейских праздников, в память спасения евреев, проживавших на территории Персидской империи, от истребления их Аманом, приближенным персидского царя Артаксеркса (Ахашвероша). Девятый день месяца ава – самый траурный день в еврейском календаре, день, когда были разрушены Первый и Второй Иерусалимские храмы. В этот день запрещены пять вещей: еда и питье, умывание, умощение, «ношение сандалий» (любой кожаной обуви) и супружеская близость.

³⁸ Явный намек на так называемого «кампанию по борьбе с космополитизмом», проводившуюся в то время в СССР.

ствует еврею, сын мой. Иначе настанет день и ты будешь праздновать Пурим и Песах в одиночестве». И вот я в первый раз сижу в Пурим дома один. Раньше, даже до знакомства с тобой, где бы я ни был, всюду находились один-два человека, с которыми я мог сесть за стол. Сегодня же все делают вид, что никакого праздника нет, и я никого не осуждаю за это. Надо привыкать, ведь еще три Пурима будут такими³⁹.

Дома мне стало еще хуже. Я немного поворчал на Ирочку. Пусть она не обижается, но с ее здоровьем не стоило ехать в Ленинград, с которым у нее связаны такие тяжелые воспоминания. Я даже боюсь подумать о том, чтобы сейчас поехать в Гуру-Кальварию. Сердце мое разорвется там от боли. Ирочка должна быть осторожнее. Я все понимаю, но тем не менее она должна быть осторожнее. Я очень ее люблю, иначе и быть не может, ведь она твоя сестра, поэтому очень сильно волнуюсь. Повторю в письме, вдруг ты не расслышала по телефону – все будет хорошо.

За всеми делами мы совершенно упустили из внимания твой грядущий юбилей. Это в твоих привычках – думать о моих делах и забывать про свои. Любимая, мне хочется отметить твой юбилей как-то особенно. Одного ресторанного застолья мало. Это же не просто день рождения, а юбилей, и к тому же в такое время, как сейчас, душе особенно хочется праздника. Давай уедем куда-нибудь. Долгого отпуска мы себе устроить не сможем, но неделю всегда выкроим. Я еще не дал окончательного ответа Блувштейну, так что возможность есть. Можно уехать куда-то недалеко, а можно и на юг к морю – это уж как будет тебе угодно. Мне все равно, любовь моя, главное, чтобы нравилось тебе, это же твой праздник. Мы с тобой вместе вот уже шестой год, но мне теперь кажется, что мы прожили вместе всю жизнь, потому что мое прошлое, то, что было до встречи с тобой, ушло куда-то в тень. Память устроена так, что чаще вспоминает приятное, а все приятное в моей жизни началось в сорок четвертом году. Помнишь, как ты улыбалась, когда на вопрос о том, какой город в Советском Союзе мне нравится больше всего, я ответил – Новосибирск. О, это благословенный город, ибо там я родился заново счастливым человеком. Я люблю тебя, драгоценная моя, ты любишь меня – что нам еще надо? Нашими соседями была чета Шенкманов, у которых не было детей. «Зачем им дети? – говорили соседи. – Ведь они так любят друг друга, что больше никто им не нужен». Наверное, так оно и есть. Сейчас я напишу тебе то, что никогда еще не говорил. Написать легче, чем сказать. Мне очень больно сознавать, что род Мессингов закончится на мне. Ничем он не славен, наш род, но это мой род, мои родственники, да будут они благословенны там, где они сейчас находятся. Очень хочется надеяться на то, что кто-то остался в живых, но. Разум говорит мне: «Опомнись и прими неизбежное. Ты знаешь, кто дал распоряжение искать следы твоих родственников⁴⁰, и понимаешь, что было сделано и возможное и невозможное». Но сердце надеется. Надежда эта то слабеет, то усиливается. Любую фразу из Талмуда можно истолковать двояко. «Не нашли никаких следов» можно тоже понимать двояко. Но сейчас я хочу сказать не об этом, а о том, что несмотря на то, что мой род может на мне окончиться, в глубине души я не хочу иметь детей. Пойми меня правильно, дорогая моя, впрочем, о чем это я, ведь ты всегда понимаешь меня правильно. Я боюсь! Я боюсь, что мой дар может передаться нашему ребенку, и тогда одним несчастным человеком на свете станет больше. Нет, лучше уж пускай мой род прервется на мне. Мы не Альтеры⁴¹, мир как-нибудь это переживет. Не терзайся по поводу отсутствия детей, любимая моя Аида. У нас есть мы, и этого достаточно. Положись на Его промысел. Если бы Он считал, что нам нужны дети, они бы у нас были. И дело тут не в

---

³⁹ 1 марта 1953 года, в день праздника Пурим, на подмосковной даче в Кунцево в своем кабинете был найден лежащим на полу потерявший сознание от кровоизлияния в мозг И. В. Сталин. После его смерти кампания по борьбе с космополитизмом была свернута.

⁴⁰ Поиски родных Вольфа Мессинга производились по личному распоряжению И. В. Сталина.

⁴¹ Альтеры – династия хасидских цадиков (духовных предводителей общины) из города Гура-Кальвария. На сегодняшний день династия Альтеров, также называемая «гурской династией», является одной из самых известных хасидских династий.

возрасте. Жена гуского меламеда⁴² Шмулевича родила своего последнего ребенка в пятьдесят четыре года. Ее звали Сарой, но ребенка назвали не Исааком⁴³, а Менахемом. Прошу тебя, сохрани это мое письмо, держи его под рукой и всякий раз, когда начнешь сожалеть о несбыточном, перечитывай эти строки.

Возможно, с детьми было бы лучше, не знаю, не с чем мне сравнивать, но нам хорошо и без детей, драгоценная моя. Ведь мы друг для друга «папочка» и «мамочка».

Но вернемся к юбилею. Пока ты в Ленинграде, подумай о том, чего бы тебе больше хотелось. В Москве уже не будет времени, начнется обычная нескончаемая суета. Я каждый день благодарю Бога за то, что он послал мне тебя, моя драгоценная Аидочка, но одной благодарности в день мало. Я должен благодарить Его по меньшей мере трижды, ведь Он дал мне 1 – жену, 2 – ассистентку и 3 – заботливую опекуницу, которая обо всем помнит, все знает и все успевает. Уже и представить не могу, что бы я делал без тебя, драгоценная моя. Ничего не успевал бы, путал график, выступал бы меньше и хуже. Ты единственная из всех моих ассистентов можешь организовать публику так, чтобы выступление шло гладко. Благодарение Богу, с тобой я забыл о том, что такое сбой во время выступления. Вот только сейчас в мою голову пришло хорошее сравнение, и я пишу его. Любовь моя, ты не ассистент, а дирижер. Ты управляешь всем процессом. По-честному твое имя надо писать на афишах первым. Напрасно ты не хочешь, чтобы мы выступали как «супруги Мессинг». Если уж говорить начистоту, то меня давно корбит от имени Вольф, которое я сам себе когда-то выбрал. Но все уже привыкли, и даже в паспорте моем написано «Вольф», а не «Вевл»⁴⁴. Хорошо хоть, что в Гастрольбюро больше намекают на то, что Вольфа нужно заменить на Владимира⁴⁵.

Вот еще одна мысль пришла в голову, пока пишу письмо. Что ты скажешь относительно прогулки по Волге? На реке спокойно, тебя не будет укачивать. Доплывем до Астрахани и вернемся обратно. Представь себе, дорогая моя, как славно будет путешествовать не по работе, а для собственного удовольствия – спокойно, никуда не торопясь, отдыхая. На днях Савицкий хвалил мне город Горький⁴⁶, а я не знал, что ответить. Несколько раз был там, но ничего не помню, кроме вокзала и тех мест, где я выступал. Подумай, пожалуйста, мне кажется, что это неплохой вариант. Или все же ты предпочтешь пансионат под Москвой. Если так, то можно будет уехать туда сразу же после банкета и взять с собой Ирочку. Далеко она вряд ли сможет поехать, а близко, я уверен, будет ей по силам. Но мне обязательно хочется куда-то уехать, чтобы это был полноценный отдых и наш праздник растянулся бы на много дней. Только прошу тебя, драгоценная моя, не скажи: «Давай пригласим гостей домой». Еще не хватало, чтобы в день своего рождения ты готовила и занималась другими делами. В этот день ты будешь

---

⁴² Меламед – учитель в хедере, еврейской религиозной начальной школе.

⁴³ Намек на библейскую Сарру, жену Авраама, которая родила Исаака в девятилетнем возрасте.

⁴⁴ Вевл – настоящее имя Вольфа Мессинга. На идише «Вевл» означает то же, что и «Вольф» на немецком, – «волк».

⁴⁵ Из мемуаров Вольфа Мессинга: «Меня пригласил к себе председатель Комитета по делам искусств Лебедев. Он предложил мне сменить фамилию «на более патристическую». «Возьмите, к примеру, фамилию Михайлов, – посоветовал Лебедев. – И имя тоже неплохо бы сменить. Владимир Григорьевич звучит лучше, чем Вольф Мессинг. Владимир Григорьевич Михайлов». Я представил себе афишу с моим портретом и подписью «Владимир Григорьевич Михайлов», и мне стало нехорошо... «Я не преступник, чтобы жить под чужим именем! Я хочу остаться Вольфом Мессингом», – сказал я. «Жить вам под вашей фамилией никто не запрещает, – ответил Лебедев. – Речь идет о ваших выступлениях. Вы не один такой, многим приходится менять фамилии». Я еще раз повторил, что не стану менять фамилию, Лебедев тоже повторил свои слова. Разговор зашел в тупик. Я ушел от него в крайне нервном состоянии. На следующий день я встретился с Берией... Я воспользовался этим случаем и рассказал Берии о своем разговоре с Лебедевым... в шуточной форме: вот мне вчера предложили назваться Владимиром Григорьевичем Михайловым, боюсь, что в следующий раз вашим людям будет трудно меня найти. Они станут искать Мессинга, а я уже буду Михайлов. Берия в таком же шуточном тоне ответил, что его люди всегда находят тех, кого ищут, но просьбу мою, выраженную в виде намека, понял. Больше никто никогда не заговаривал со мной о смене имени и фамилии».

(Мессинг В. Я – телепат Сталина / Перевод Г. Я. Коган.)

⁴⁶ Ныне – город Нижний Новгород.

царицей и пальца о палец не ударишь. Я этого требую! Я никогда ничего не требовал, только просил, но сейчас требую!

Насчет подарка. Подарок мне хочется выбрать заранее и непременно вместе с тобой, чтобы это было то, что ты хочешь. Непременный сюрприз ты тоже получишь, но сюрприз ко дню рождения, а подарок – к юбилею. Никакие драгоценности не сравнятся с тобой, драгоценная моя, но нужно пополнить шкатулку, которая опустела в годы войны. Сюрпризы на мартовский праздник тебя и Ирочку уже ждут. Возвращайтесь поскорее.

Вот еще одна умная мысль пришла в голову, пока я пишу это письмо. Если ленинградские врачи захотят задержать Ирочку надолго, то я мог бы организовать ее перевозку в Москву специальным транспортом, чтобы она всю дорогу была бы под врачебным наблюдением. У меня есть такая возможность. Заберут от дверей одной больницы, привезут к дверям другой. Врачи могут не знать, что можно устроить такую перевозку. Объясни им это. Если Ирочка станет долечиваться в Москве, это будет удобно всем нам.

Вот пишу тебе письмо и постепенно прихожу в праздничное настроение. Не знаю, о чем еще написать, ведь утром рассказал все новости. Нет! Знаю! Надо написать о том, как я тебя люблю, моя несравненная. Любовь моя так велика, что одна лишь мысль о тебе прогоняет тоску. С тобой, любимая, я чувствую себя молодым и полным сил, а без тебя превращаюсь в унылого, ворчливого старика. Спасибо тебе, моя несравненная, за тот свет, которым ты озарила мою жизнь, и за то тепло, которым ты меня согреваешь. Если бы ты знала, как я жалею о том, что не умею ни рисовать, ни сочинять стихов. Ах, если бы я мог нарисовать твой портрет или сочинил бы поэму в твою честь. Но мое сочинительство не идет дальше писем. Почему Бог не дал мне творческого дара? Завидую творческим людям – музыкантам, художникам, поэтам. Их дар, в отличие от моего, делает их счастливыми. Когда-то, в самом начале своего пути, я тоже считал, что Бог осчастливил меня, наградив моим даром. Но очень скоро изменил свое мнение. Хороша награда, которую не знаю, кому бы отдать! Счастливы те, кто не ведает, что будет завтра. Какая радость в том, когда знаешь, но ничего не можешь изменить? Вот сегодня, на почтамте, я встретил одного нашего знакомого, имя которого не стану тебе называть. Человек жизнерадостен, полон планов на будущее и сам не знает, что он неизлечимо болен. Вот как разговаривать с ним? Как смотреть ему в глаза, зная, что он не доживет до следующего года? Если от болезни нет лечения, то чем позже он узнает о ней, тем лучше. В его положении каждый счастливый день – дар свыше. Вот и приходится притворяться, но ты же знаешь, что в расстроенных чувствах я не могу притворяться. Он заметил, что со мной что-то не так, стал спрашивать, хорошо ли я себя чувствую. Я соврал, что печень распалилась, и поспешил уйти. Рассказываю тебе об этом просто как о свежем примере. Имя не назову, ты же меня знаешь. Только потом. Лучше еще раз повторю насчет Ирочки. С ней все будет хорошо! Это говорю тебе я! Я вижу ее с нами в будущем и вижу на ее лице счастливую улыбку. Вот только не могу сказать, когда она вернется в Москву, потому что ее возвращение – это и твое возвращение, а при мыслях о тебе я сильно волнуюсь и теряю способность видеть. Не всегда, но часто. Разум еще не успеет сосредоточиться, а сердце начинает стучать сильнее – хорошо бы завтра, прямо завтра, я же так скучаю! От этого получается сумятица, и вообще мой дар плохо помогает видеть будущее близких. До сих пор корю себя за тот случай на рынке. Я должен был предвидеть, что тебя ограбят, и должен был предупредить тебя, любимая моя! Но недаром говорят, что все сапожники ходят босиком. Я не представляю исключения из этого правила. Хорошо, что хоть что-то могу видеть.

Весь день, с перерывами, писал тебе это письмо. Поэтому оно получилось таким длинным. Поздравляю вас с Ирочкой с наступающим мартовским праздником. Станный это праздник, в который женщины идут на работу⁴⁷. Помню, как секретарь Бобруйского обкома сказал

---

⁴⁷ 8 Марта в СССР стал выходным днем только с 1966 года.

мне, что это правильно – на работе устраивают митинг и дарят подарки. На мой взгляд, подарки можно подарить и днем раньше, а праздник должен быть выходным днем. Буду звонить восьмого, потому что письмо может и не дойти. По телефону всего не скажешь, но я уже знаю о том, что объявят в этот день⁴⁸. Не беспокойтесь, все будет хорошо, того, чего все мы боимся больше всего, не произойдет. Наше будущее я вижу светлым и мирным. Люди навоевались – две ужасные войны за тридцать лет, когда еще было такое?

Передавай Ирочке мои пожелания скорейшего выздоровления и от моего имени скажи ей, чтобы она не волновалась. Я же знаю, какая она впечатлительная. Ее сердце больше никогда ее не подведет.

Тебя же я крепко обнимаю и целую тысячу раз, несравненная моя! Не знаю, но может случиться так, что я брошу все и примчусь в Ленинград. Уже бы примчался, но есть одно обстоятельство, которое удерживает меня от такого шага. Ирочка может подумать, что я приехал за тобой, что я хочу увезти тебя, а мне очень не хочется ее расстраивать. Она, бедняжка, вынесла столько, что хватило бы десятерым. Глядя на твою сестру, я говорю себе: «Вевлеле⁴⁹, и ты еще считал себя самым несчастным человеком на белом свете? Стыдись! Стыдись!» Но если очень уж припрет, то брошу все и приеду. Объясни Ирочке, что я приехал не за тобой, а просто к вам. Ты должна оставаться при ней столько, сколько потребуется, это твой долг. Нас всего трое на всем белом свете, и если мы друг о друге не позаботимся, то кто же о нас позаботится?

Я очень тоскую по тебе, но в остальном у меня все в порядке. Не волнуйся, драгоценная моя, береги себя. Целую, обнимаю, люблю, люблю, люблю!

Твой В.

27 апреля 1951 года

Любимая моя Аидочка!

Сегодня утром, едва проснувшись, я понял, что днем за мной приедут. Тебе говорить ничего не стал, потому что не хотел расстраивать раньше времени. Когда ты расстраиваешься, драгоценная моя, то, глядя на тебя, я расстраиваюсь еще больше, а во время моих командировок мне надо быть максимально сосредоточенным. Ты понимаешь. Любая моя оплошность может роковым образом отразиться на нас с тобой. Да и зачем расстраиваться с утра, если можно расстраиваться вечером? Радость хороша ранняя, а горе – позднее.

Я отменил три выступления. По моим ощущениям, я вернусь уже завтра глубокой ночью, но я не знаю, верно ли это ощущение, и не знаю, сколько времени понадобится мне на отдых, потому что не могу понять, что может потребоваться от меня на этот раз. Положение сложное, все опасаются, что из маленького скандала может получиться большой⁵⁰. Я уверен, что этого не произойдет, но кроме большого вопроса есть сотни помельче, на многие из которых могу дать ответ только я.

Я ненадолго отложил перо, задумался о будущем и увидел, что до конца нашего века опасность большого скандала будет возникать еще трижды. Недалеко от того места, где скандалят сейчас, недалеко от того места, где похоронен наш любимый писатель и рядом с местом, где родился наш самый веселый праздник⁵¹. Но до большого скандала все же не дойдет, хвала Богу. Когда я вернусь, мы поговорим об этом подробнее. Я счастлив, драгоценная моя, что у меня есть ты, человек, с которым я могу делиться самым сокровенным. Очень приятно было

---

⁴⁸ 8 марта 1950 года СССР официально объявил о наличии у него атомной бомбы.

⁴⁹ Уменьшительное от Вевл.

⁵⁰ Намек на то, что война Северной и Южной Кореи может вылиться в Третью мировую войну.

⁵¹ Намеки на Вьетнам (недалеко от Северной Кореи), на Кубу (недалеко от США, где похоронен известный еврейский писатель Шолом-Алейхем) и на Афганистан (границающий с Ираном, где возник праздник Пурим).

открыть в тебе не только любимую женщину и верную помощницу, но и тонкого, умного, все понимающего собеседника. Удивляюсь твоим талантам. Есть ли талант, которым Бог обделил тебя? Достоинства твои так же велики, драгоценная моя, как и твоя скромность! Пока люди не узнают тебя поближе, им неизвестно, с каким сокровищем они имеют дело. Только я с первого же взгляда понял, кто передо мной. Любимая моя, сейчас я открою тебе одну тайну, тем более что наступил удобный момент. Я дома один, все дела отменены, а придут за мной еще нескоро.

Знай же, любимая, что я полюбил тебя, когда увидел в зале на моем выступлении. Ты говоришь: «Какая-то сила задержала меня в зале». Тебе хотелось познакомиться со мной поближе, но я приложил руку к тому, чтобы усилить твое желание и приблизить час нашего знакомства. Да, я внушил тебе мысль о том, что более удобного времени, чем сразу же после выступления, не будет. И мы познакомились!

Ты вправе обидеться на меня за то, что я скрыл от тебя это и молчал почти семь лет. Но не обижайся, умоляю тебя. Разве смогу я жить, зная, что ты на меня обижена? Помнишь, да, ты, конечно же, помнишь историю моей размолвки с моим братом Берлом? Не ту, когда я пытался наставить его на путь истинный, а ту, когда он обиделся на меня за то, что я повлиял на него внушением. С тех пор я дал себе зарок не пользоваться моим даром в общении с близкими. Это пугает людей, и это им не нравится, я понимаю. Поэтому-то я и не признался тебе сразу. Но Бог свидетель, что я более никогда не позволял себе в отношении тебя ничего подобного. В тот раз я просто обезумел (другого слова и не подберу) от нахлынувших на меня чувств и просто позволил себе укрепить тебя в твоём намерении познакомиться со мной. Слегка подтолкнул к этому. Разумеется, если бы у тебя самой не было бы такого желания, то ничего бы и не случилось. Внушить любовь, возможно, это выше моих сил. Невозможно и изменить отношение человека к другому человеку с хорошего на плохое или наоборот. Можно только немного усилить то, что есть.

Прости меня, драгоценная моя, ибо я виноват перед тобой! Не столько тем, что позволил себе тогда прибегнуть к внушению, сколько тем, что малодушно молчал об этом много лет. Прости, прости, прости меня! Хорошо, хоть сегодня собрался с духом. Видимо, причиной тому предстоящая командировка. Я знаю, что все будет хорошо, но в таких делах даже Вольф Мессинг не может быть уверен наверняка, потому что все мы – зернышки между жерновами.

Теперь я чист перед тобой, любимая моя, и клянусь, что больше нет у меня от тебя тайн, даже самых маленьких. За свою провинность я готов понести любое наказание, которое ты мне назначишь. Но втайне надеюсь, что ты не станешь обижаться на меня (ты же все понимаешь!) и наказывать, а ограничишься штрафом. Пусть моим штрафом станут те серьги, которые тебе предложила Фая. Я же видел, как они тебе понравились, и ты немного покривила душой, когда отказалась от покупки под тем предлогом, что у тебя к ним нет ничего подходящего. Любимая, чтобы подобрать подходящее, надо сначала купить серьги. И пусть цена тебя не волнует, такая штучная старинная работа не может стоить дешево. Прошу тебя – позвони Фая и скажи, пусть она придержит эти самые серьги до моего возвращения. Вижу, как улыбаешься ты, читая эти строки, – твой хитрый муж снова вывернулся. Какой смысл мне выворачиваться? Какой смысл мне притворяться перед тобой? Я же знаю, любимая моя, что ты все поймешь и не станешь на меня сердиться. Но пусть у тебя останется хорошая память об этом – мой подарок. Купим тебе эти княжеские серьги, а я попрошу Абрама Ароновича найти к ним все остальное. Ты же знаешь, что если его хорошо попросить, он найдет и царскую корону, не то чтобы перстень, брошку или ожерелье. И непременно надо будет сшить тебе новое платье под эту покупку. Голубое. Только давай сошьем его не у Марины, а у другой портнихи. Марина всякий раз так долго тянет с заказом и столько раз перешивает, что обновка уже не приносит никакой радости. Божьей милостью в Москве хватает хороших портних, есть среди кого выбирать. Решено – серьги, платье и все остальное! Моя царица должна быть лучше всех, на другое я и не согласен!

До встречи, любимая моя! До скорой встречи! Всякий раз расстаюсь с тобой как будто навсегда и всякий раз при встрече радуюсь так же сильно, как и в день нашего знакомства. Целую тебя тысячу раз и тысячу раз прошу прощения за свой невинный обман и за то, что не признался в нем сразу!

Люблю тебя, драгоценная моя, и где бы я ни был – первая мысль моя о тебе.

Отдохни, пока меня не будет, ведь ты так устала, принимая гостей два дня подряд.

Твой В.

20 августа 1951 года

Дорогая моя Аида!

Я чувствую себя настоящим богачом! Сейчас объясню почему. У нас в Гуре про тех, кто выписывал мебель из Варшавы, говорили: «Вот настоящие богачи!» Люди победнее обходились тем, что делали местные столяры. Некоторые делали очень красивую мебель, резную и с инкрустацией, но с варшавской ее было не сравнить. И пускай Киев не Варшава, но сам факт покупки мебели в другом городе должен льстить моему самолюбию.

Это была шутка, драгоценная моя жenuшка. На самом деле я не вижу ничего хорошего в том, что нам приходится покупать мебель для нашей новой квартиры не в Москве, а в Киеве. Я все понимаю – возможности, связи и т. п., – но все равно мне это кажется абсурдным. Мало того что за мебелью надо ехать в Киев, так еще сначала надо ждать, пока можно будет ее получить, а потом ждать, пока получится отправить ее в Москву. Что за чепуха? Неужели нельзя организовать нормальное снабжение? Представляю, как ты уже устала заниматься этой проклятым гарнитуром. Надеюсь, что он оправдывает все твои труды. Сейчас ты скажешь, что я – старый ворчун, но согласишься, что вся эта история выглядит абсурдно. Это с одной стороны. С другой стороны, мне неловко перед тобой. Проводив тебя, я сразу же начал говорить себе: «Во всем виноваты мои принципы. Ну что мне стоило попросить гарнитур в новую квартиру? Дали квартиру, дали бы и мебель. Недаром же говорят – дал Бог хлеба, даст и масла. Но у меня принципы, и потому моя дорогая жена поднимает на ноги весь белый свет и едет в Киев за таким гарнитуром, который она хочет иметь. Ладно бы еще приехать, купить и сразу же отправить в Москву... Но надо ждать, пока база отгрузит мебель в магазин, надо ждать очереди на железной дороге». Честно говоря, уже не хочется этой мебели, драгоценная моя, мебели, ради которой тебе надо столько мучиться! Разговаривала ты со мной бодрым веселым голосом, но я все равно понял, как ты устала. Я и сам не люблю ждать, особенно когда непонятно, сколько именно надо ждать. «Приходите завтра, приходите завтра...» Знаешь, любимая моя, мы с тобой сделали одну ошибку. В Киев надо было ехать не тебе одной, а нам обоим, причем не просто ехать, а ехать с выступлениями. Тогда бы мы дали выступление на этой самой базе, которая все никак не соберется отгрузить в магазин наш гарнитур, и все бы было в порядке!

Я настолько не разбираюсь в делах, что никак не мог понять, зачем надо ждать, пока база отгрузит мебель в магазин, если ты все равно забираешь гарнитур с базы? Спасибо Ирочке, она мне объяснила. И заодно привела в пример Шурика⁵², который покупал машину в Свердловске с помощью знакомого директора завода. Мол, не одна Аида так мучается, всем приходится. Но это соображение меня мало утешает, я бы предпочел, чтобы никто не мучился.

В твоё отсутствие, дорогая моя, просто не могу сидеть сложа руки. Чувствую себя обязанным тоже что-то делать для обустройства нашего гнездышка. Договорился с мастером, который сделает нам антресоли и подправит двери, чтобы они легко открывались и закрывались. Мастер хороший, умелый. Антресоли он еще не сделал, но зато избавил нас от скрипучего пола

---

⁵² Шуров Александр Израилевич (настоящая фамилия Лившиц; 1906–1995) – советский эстрадный актер, более всего известный по эстраднему музыкальному дуэту «Шуров и Рыкунин».

в коридоре. Другие говорили, что скрипит не верхняя доска, а те, что под ней, и, значит, нужно переделывать пол во всем коридоре, а этот вбил два клинышка, и пол сразу перестал скрипеть. Даже если подпрыгнуть, все равно не скрипит. Разве не радость? Если он сделает то, за что взялся, так же хорошо, то попрошу его переделать оконную раму на кухне. Ирочка говорит, что окно трогать не стоит, зимой, мол, так и так надо затыкать и заклеивать, но я считаю, что окна должны быть в порядке и дуть из них не должно. Так что видишь – я тоже стараюсь сделать что-то по хозяйству. Жалею, что не унаследовал практической сметки моего отца, да будет благословенна его память. Вот уж был практический человек! Его практичностью восхищались в Гуре-Кальварии все – и евреи, и поляки, и даже единственный немец, аптекарь Пассендорфер. Да, моей матери достался практичный муж, а тебе, дорогая моя, непрактичный. Но я стараюсь исправить этот свой недостаток. Вот подумаю и к твоему возвращению сделаю еще что-нибудь.

Не обижайся на то, что я ворчу, драгоценная моя! Я ворчу не в упрек тебе, а, если так можно сказать, – в похвалу. Мне тоскливо без моей любимой женушки, я скучаю, мне жаль тебя, которая вынуждена добывать этот гарнитур далеко от дома, да еще с такими мучениями, я жалею, что не поехал с тобой, хотя понимаю, что был бы тебе обузой и, кроме того, ты бы тогда беспокоилась насчет Ирочки. Закрываю глаза и пытаюсь представить себе этот гарнитур, стоящий в нашей квартире, но не могу этого сделать. И когда ты вернешься, тоже не могу увидеть. Чувствую только, что задержишься ты в Киеве дольше обычного.

Любимая моя, спасибо тебе за все, что ты делаешь для нашего счастья и благополучия! Нет слов, какими бы я мог выразить свою радость по поводу того, что у меня есть ты. Когда ты станешь нервничать из-за этих бесконечных «приходите завтра», вспомни, что у тебя есть любящий муж, который с нетерпением ждет твоего возвращения.

Люблю тебя, люблю тебя безмерно, милая моя!

Целую, скучаю, жду.

Твой В.

19 ноября 1951 года

Аида, любимая моя!

Было бы проще дожидаться твоего возвращения и рассказать о случившемся, но гнев кипит во мне, и я испытываю потребность выговориться немедленно. Но кому, кроме тебя, я могу доверить такое? Поэтому сел писать письмо.

Любимая! Ты, конечно же, помнишь, как в апреле я рассказал тебе, что увидел упавший в Сибири самолет. И помнишь, что мне ответили из управления Аэрофлота: такого рейса не существует! Что ж – если я увидел катастрофу самолета, которого не существует, то, значит, я ошибся. Я назвал точно время и место, люди проверили расписание и не нашли такого самолета, который именно в это время летел из Новосибирска в Москву. Я отчетливо видел, как этот самолет вылетал из новосибирского аэропорта, и знал, что он летит в Москву. Ты знаешь, любимая, что я ошибаюсь редко. Катастрофу я видел очень отчетливо, как будто сам находился рядом. Такие видения никогда не бывают ошибочными. Я подумал, что мог ошибиться только во времени, потому что точное время – самое слабое, если так можно выразиться, место в моих видениях. Я попросил обратить особое внимание на все рейсы, которые будут вылетать из Новосибирска в Москву во второй половине ноября. Меня заверили, что это будет сделано. Но позавчера вечером, едва вернувшись домой с прогулки, я увидел упавший самолет. Та же самая картина, которую я видел в апреле месяце. С одной только разницей. Тогда это было будущее, а теперь прошлое. Самолет упал на самом деле. В тот день и час, который я предсказал! В том же месте! И он на самом деле летел из Новосибирска в Москву!⁵³ Ночь с суб-

---

⁵³ Речь идет о катастрофе самолета «Ил-12П» компании «Аэрофлот», произошедшей в субботу 17 ноября 1951 года при

боты на воскресенье я не спал. В воскресенье пытался связаться с управлением Аэрофлота, но дежурный не стал со мной разговаривать. Сегодня утром я явился в управление и заявил, что никуда не уйду до тех пор, пока меня не примет Жаворонков⁵⁴. Он меня не принял, принял его заместитель. Оказалось, что о моем предупреждении все забыли. Посмотрели, что нет в расписании такого рейса, и решили, что Вольф Мессинг несет чушь! В результате погибли двадцать три человека! Двадцать три! Для того чтобы они остались живы, нужен был сущий пустяк – сообщить в Новосибирск, чтобы в такой-то день в такое-то время не разрешили бы вылет самолета в Москву! Что стоило дать такое распоряжение? Я сказал, что все, кто мне не поверил, – убийцы, потому что они виноваты в гибели людей. В напрасной нелепой гибели в мирное время! Может, и не стоило говорить так резко, но меня просто душила злость. Мне обещали, что впредь к моим предупреждениям будут относиться с огромным вниманием, но что толку подкладывать под курицу вареные яйца?⁵⁵ Двадцать три человека погибли, их лица перед моими глазами, и их уже не вернуть.

Когда мне не верят во время выступлений – это пустяки. Пусть не верят, от этого нет никому вреда, кроме самих неверящих. Они наживут себе головную боль, пытаюсь разгадать секрет «фокусов» Вольфа Мессинга, только и всего. Но как не верить мне, когда речь идет о катастрофах? Здесь же лучше перестраховаться, но все равно принять меры! В управлении я обвинял других, а по возвращении домой начал обвинять себя. Сам я тоже виноват, потому что был недостаточно настойчив. Надо было поднять такой шум, чтобы небу жарко стало! Надо было потребовать, чтобы было дано распоряжение в Новосибирск! В конце концов, надо было внушить дать такое распоряжение! Если люди не понимают меня в таком серьезном вопросе, когда речь идет о многих человеческих жизнях, то нужно не убеждать их, а загибнотизировать. В следующий раз непременно так и сделаю, но дай Бог, чтобы не было этого самого следующего раза!

Вот написал тебе письмо, и сразу же полегчало. Как будто камень с души свалился. Как будто я поговорил с тобой и услышал твое доброе: «Не переживай, милый». Ах, любимая моя, драгоценная моя Аидочка! Что бы я делал без тебя? Моя жизнь до встречи с тобой сейчас кажется мне каким-то блеклым сном. Люблю тебя, милая моя, люблю так, как еще никто никогда никого не любил! Мысленно переносюсь к тебе в Серпухов, обнимаю тебя, целую, глажу твои шелковистые волосы, вдыхаю твой запах! Я безмерно счастлив любить тебя и счастлив быть любимым тобой!

Письмо это отправлять не стану. Какой смысл отправлять, если завтра ты уже будешь дома. Но и рвать его тоже не стану. Мне будет слишком трудно еще раз рассказывать тебе об этом, потому что придется пережить весь этот кошмар заново. Нет уж, лучше ты прочтешь то, что я написал. Непременно сохрани это письмо и дай мне прочесть его, если когда-нибудь в будущем я буду недостаточно настойчив в подобных ситуациях (пусть они никогда не повторятся).

Когда ты прочтешь это письмо, я поцелую тебя по-настоящему.

Твой В.

вылете из аэропорта Новосибирска. В этот день в аэропорту Новосибирска скопилось много пассажиров, летевших транзитом из Якутии в Москву. С целью разгрузки аэропорта было принято решение организовать дополнительный рейс вне расписания. Метеообстановка в тот день сложилась сложная. Когда в 16:05 командир экипажа Хорунжий подошел к самолету, то обнаружил, что тот покрыт льдом. Хорунжий потребовал обработать самолет горячей водой, что и было сделано. Но из-за резкого снижения температуры горячая вода тоже быстро замерзала. Сменный инженер и контрольный мастер не проверили состояние самолета непосредственно перед рулением на старт, экипаж также допустил халатность, в результате чего в 16:22 самолет начал взлет при наличии большого количества льда на хвостовой части и на плоскостях. Поднявшись на высоту 150 метров над уровнем аэродрома, самолет потерял скорость, перешел в быстрорастущий левый крен и в 16:23 упал на землю. В результате катастрофы погибли 23 человека (19 пассажиров и 4 члена экипажа).

⁵⁴ Маршал авиации Семен Федорович Жаворонков (1899–1967) был начальником Главного управления гражданского военного флота при Совете министров СССР в 1949–1957 годах.

⁵⁵ Выражение, аналогичное по смыслу «поздно пить боржом, когда почки отказали».

14 февраля 1952 года⁵⁶

Аида, любимая!

Вынужден срочно уехать по неотложной надобности. Вернусь в воскресенье. Не волнуйся, все хорошо. Отдай пока мой синий костюм в чистку. Выступление в понедельник отмени или перенеси на другой день. Сошлись на том, что я плохо себя чувствую. Мне на самом деле будет нужен отдых. Завтра навести Барзиловича⁵⁷, он только что звонил мне и обещал заплатить завтра все, что должен. Только сходи к нему непременно, а то придется ждать до начала марта.

Все, очень спешу. Целую! Буду по тебе скучать.

Твой В.

11 августа 1952 года

Аида, любимая!

Борис Давыдович категорически отказался пускать меня к тебе, сказав, что мое появление может разволновать тебя. Но письмо разрешил написать и даже сказал, что письма полезны, потому что они воодушевляют. Уверен, что мое появление в палате воодушевило бы тебя еще больше, но с докторами не поспоришь. Борис Давыдович сказал, что тебе уже разрешили вставать и ходить по палате, так что ты можешь посмотреть в окно и увидеть меня на скамейке. Я буду сидеть прямо напротив твоего окна, драгоценная моя. Только, умоляю тебя, не вздумай кричать, потому что тебе нельзя напрягаться. Только улыбнись мне и помаши рукой, а все, что ты захочешь сказать, я пойму и так. Но если тебе тяжело вставать, то не заставляй себя. Я посижу, посмотрю на твое окно, и мне будет казаться, что мы вместе. Умоляю – не утруждай себя ничем, драгоценная моя! Заклинаю тебя во имя нашего счастья! Береги себя, помни, что ты – это все, что у меня есть. Борис Давыдович сказал, что медицина свое дело сделала, теперь все зависит от тебя. Мне неловко в этом признаться, но я надеюсь на порядочность Бориса Давыдовича, надеюсь на то, что он не станет читать мое письмо. Так вот, любимая, знай, что я позволил себе прочесть мысли Бориса Давыдовича, чтобы быть уверенным в том, что он мне не лжет. Врачи же очень часто лгут, выдавая желаемое за действительное, такая уж у них профессия. Но про тебя доктор сказал правду. Кризис миновал, сейчас никакой опасности нет, ты должна соблюдать режим, и тогда все будет хорошо. Береги себя, и все будет хорошо, ты слышишь?! Ради меня, ради Ирочки, ради нашей любви. Я же знаю, какая ты самоотверженная. Наверное, лежишь сейчас в кровати и переживаешь за нас. Так вот, любимая моя, докладываю тебе, что у нас все хорошо. Выступления я отменил до полной ясности относительно твоего здоровья. Не переживай. Иначе и быть не могло. О какой работе может идти речь, когда все мои мысли только о тебе. Милостью Божьей мы заработали столько, что можем позволить себе немного отдохнуть. К отмене выступлений все отнеслись с пониманием. Не только в Москве, но и в других городах тоже. Я отменил все до первого октября. А там будет видно. Если мои молитвы возымеют действие, мы начнем выступления в сентябре. Но весь август ты должна отдыхать, это сказал не только Борис Давыдович, но и профессор. Отдыхай, драгоценная моя, приходи в норму. Я очень огорчен тем, что произошло, но радуюсь (пусть тебя не удивит это слово, любимая моя) тому, что могу хоть чем-то воздать тебе за все, что ты для меня сделала. Ты столько заботилась обо мне, дай же и мне позаботиться о тебе. Позволь вернуть тебе если

---

⁵⁶ Это письмо написано на русском языке.

⁵⁷ Барзилович Николай Павлович (1912–1976) был директором Государственного объединения «Мосгосэстрада» в 1951–1960 годах.

не весь долг, то хотя бы часть процентов по нему. Не переживай, умоляю тебя. Воспринимай случившееся как отпуск, в который Богу было угодно тебя отправить. Лежи, отдыхай, наслаждайся покоем. Ты же не умеешь отдыхать, даже в санаториях постоянно находишь себе какое-нибудь дело. Теперь вот отдохни, любимая. У тебя все будет хорошо. На этот раз я говорю не то, что хочу сказать, а то, что знаю. Когда тебя увезла «Скорая помощь», на меня словно ледяная глыба упала. Время остановилось, все вокруг исчезло, казалось, что сердце остановилось. И в этот момент я увидел, как встречаю тебя у выхода из больницы с букетом твоих любимых белых роз. Так что знай, драгоценная моя, – все будет хорошо. Ты поправишься, только береги себя.

Все наши знакомые передают тебе приветы и пожелания скорее поправиться. Я пишу «все», потому что перечислять имена очень долго и это действительно «все», начиная от Маши и заканчивая Лидией Ивановной из Гастрольбюро. Твой ангельский характер снискал тебе всеобщую любовь. Люди интересуются искренне, уж в этом-то я разбираюсь хорошо. Бедная Маша вчера сильно расстраивалась. Она испекла для тебя свой «царский» рыбный пирог, а доктора не разрешили тебе его передать. Не могу написать, что сказала Маша по этому поводу (но ты можешь представить). Скажу только, что по поводу твоего возвращения мы закажем настоящий банкет. Маша приготовит все твои любимые блюда, устроим настоящий праздник. Если захочешь – позовем кого-нибудь в гости или же отпразднуем в семейном кругу. Все будет как ты хочешь, ты только выздоравливай, любимая моя. Выздоровливай и ни о чем не думай. В твое отсутствие обо мне заботится Ирочка. А я стараюсь заботиться о ней, вот так мы и поддерживаем друг друга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.